

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

ЛИ ЧАЙЛД

ДЖЕК РИЧЕР:

ПОЛЕ СМЕРТИ

Напряженный
и заставляющий
думать роман.

Publishers
Weekly

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

Ли Чайлд
Джек Ричер, или Поле смерти

© С. М. Саксин, перевод, 2007

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская
Группа „Азбука-Аттикус“», 2021

Издательство АЗБУКА®

* * *

Глава 1

Меня арестовали в ресторане Ино. В двенадцать часов дня. Я ел яйца всмятку и пил кофе. Поздний завтрак, еще не обед. Я насквозь промок и устал после долгой прогулки под проливным дождем. Пешком от самого шоссе до окраины городка.

Заведение было маленьким, но чистым и светлым. Построенное совсем недавно, оно изображало переделанный железнодорожный вагон. Узкий, вытянутый зал, с длинной стойкой вдоль одной стены и кухней, спрятанной в глубине. Вдоль противоположной стены отдельные кабинки. Вместо центральной кабинки – входная дверь.

Я сидел в кабинке у окна и читал забытую кем-то газету, где было напечатано про новую предвыборную кампанию президента, за которого я не голосовал в прошлый раз и не собирался голосовать сейчас. Дождь прекратился, но стекло было до сих пор усыпано блестящими бусинками капель. Вдруг я увидел подъезжающие к ресторану полицейские машины. Быстро пронесшись по дорожке, мощенной гравием, они завизжали тормозами, останавливаясь у самого входа. На крыше включенные маячки. Капельки на стекле расцвелись красными и синими огоньками. Двери машин распахнулись, и оттуда высыпали полицейские. По двое из каждой машины, с оружием наготове. Два револьвера, два ружья. Мощная артиллерия. Один револьвер и одно ружье побежали к черному входу. По одному револьверу и ружью ворвались в ресторан.

Я сидел и молча смотрел на происходящее. Я знал, кто находится в ресторане. Повар в своем закутке на кухне. Две официантки. Двое пожилых мужчин. И я. Вся операция была затеяна ради меня. Я успел провести в этом городке меньше получаса. Остальные пятеро, по всей вероятности, прожили здесь всю жизнь. Если бы у них возникли какие-то проблемы, к ним застенчиво подошел бы сержант, бормоча под нос извинения. Он пригласил бы их проехать в участок. Так что оружие и стремительность предназначались не для

них. Все это было для меня. Запихав яйцо в рот, я засунул под тарелку пятерку. Сложил газету, убрал ее в карман. Допил кофе и положил руки на стол.

Полицейский с револьвером остался в дверях. Припав на колени, он крепко держал оружие обеими руками, направив его мне в голову. Полицейский с ружьем осторожно приблизился. Это были поджарые, накачанные ребята. Опрятные и чистые. Движения как из учебника. Револьвер у дверей с определенной долей аккуратности держал под прицелом весь зал. Ружье выстрелом в упор неминуемо размазало бы меня по стене. Разместиться по-другому было бы большой ошибкой. В рукопашной драке из револьвера даже с близкого расстояния можно промахнуться, а выстрел картечью от двери поразит не только меня, но и подошедшего ко мне полицейского, а также старика в дальней кабинке. Пока что ребята вели себя правильно. Тут никаких сомнений. Сила была на их стороне. И тут тоже никаких сомнений. В тесной кабинке я оказался как в ловушке. Я был слишком зажат, чтобы чем-либо ответить. Я положил руки на стол.

Полицейский с ружьем подошел ближе.

– Ни с места! Полиция! – крикнул он.

Он крикнул это так громко, как только смог, давая выход своему внутреннему напряжению и пытаясь меня запугать. Действия из учебника. Обилие звуков и ярости, чтобы подавить жертву. Я поднял руки. Полицейский с револьвером направился ко мне от двери. Полицейский с ружьем шагнул ближе. Он подошел слишком близко. Вот их первая ошибка. Если бы мне было нужно, я мог бы броситься на ружье и отбить ствол вверх. Выстрел в потолок, удар локтем полицейскому в лицо – и ружье стало бы моим. Парень с револьвером уменьшил угол наблюдения и не мог бы стрелять, не рискуя попасть в своего напарника. Для обоих все могло кончиться весьма плохо. Но я просто сидел за столом, вытянув руки. Парень с ружьем продолжал кричать и прыгать около меня:

– Ложись лицом на пол!

Не спеша выйдя из кабинки, я протянул свои запястья полицейскому с револьвером. Я не собирался валяться на полу. Только не для этой деревенщины. Даже если они согнали сюда весь полицейский участок, вооруженный гаубицами.

Полицейский с револьвером оказался сержантом. Он был совершенно спокоен. Пока второй держал меня под прицелом ружья, сержант убрал в кобуру револьвер и, отстегнув от пояса наручники, защелкнул их на моих запястьях. Через кухню в зал ворвался отряд прикрытия. Обойдя стойку, они встали вокруг меня. Принялись обыскивать. Очень тщательно. Я видел, как сержант регистрирует отрицательные кивки. Оружия нет.

Ребята из отряда прикрытия взяли меня под локти. Парень с ружьем по-прежнему держал меня под прицелом. Сержант выступил вперед. Ладно скроенный белый мужчина атлетического телосложения. Одного со мной возраста. Бирка над нагрудным карманом гласила: «Бейкер». Он посмотрел мне в лицо.

– Вы арестованы по подозрению в убийстве, – сказал сержант. – У вас есть право хранить молчание. Все, что вы скажете, может быть использовано против вас. У вас есть право воспользоваться услугами адвоката. Если вы не можете позволить себе адвоката, штат Джорджия предоставит вам адвоката бесплатно. Вы понимаете свои права?

Замечательное исполнение правила Миранды. Сержант говорил четким, поставленным голосом. Не прибегал к помощи бумажки. Он говорил так, словно знал, о чем говорит и почему это так важно. И для него, и для меня. Я молчал.

– Вы понимаете свои права? – повторил сержант.

Я по-прежнему молчал. Долгий опыт научил меня, что нет ничего лучше полного молчания. Скажи что-нибудь, и это может быть неправильно услышано. Не так понято. Истолковано превратно. И ты можешь оказаться за решеткой. Ты можешь быть убит. Молчание же сбивает с толку полицейского, производящего арест. Он вынужден предупредить тебя, что ты имеешь право молчать, но его

выворачивает наизнанку, если ты этим правом пользуешься. Меня арестовывали по подозрению в убийстве. Но я молчал.

– Вы понимаете свои права? – снова спросил меня полицейский по фамилии Бейкер. – Вы говорите по-английски?

Он сохранял спокойствие. Я молчал. Он оставался спокойным. Это было спокойствие человека, для которого мгновение опасности миновало. Ему оставалось лишь отвезти меня в участок, и потом я стану заботой кого-то другого. Сержант переглянулся со своими товарищами.

– Хорошо, отметим, что он ничего не говорит, – проворчал он. – Ладно, пошли.

Меня повели к двери. В дверь мы прошли гуськом. Сначала Бейкер. Затем парень с ружьем, пятащийся задом, все еще направляющий на меня большое черное дуло своего ружья. У него на бирке было написано: «Стивенсон». Белый мужчина, среднего роста, в хорошей физической форме. Оружие у него было похоже на обрезок водопроводной трубы. Оно было нацелено мне в живот. За мной шли полицейские из группы прикрытия и подталкивали меня в спину.

На улице стало еще жарче. Судя по всему, дождь шел всю ночь и большую часть утра. Теперь бесчинствовало солнце, и от вымощенной гравием дорожки шел пар. Вообще-то, в жару здесь должно было быть пыльно. Но сегодня царил бьющий в голову замечательный аромат политой дождем мостовой, нагретой полуденным солнцем. Повернувшись лицом к солнцу, я вздохнул полной грудью, позволяя полицейским перестроиться, по одному с каждой стороны, для короткой прогулки к патрульным машинам. Стивенсон с ружьем по-прежнему замыкал шествие. Когда мы подошли к первой машине, он задержался на шаг, и Бейкер открыл заднюю дверь. Мне пригнули голову, полицейский слева аккуратно прижался к моему бедру, после чего меня запихнули в машину. Хорошие движения. В таком городке, расположенном в глуши,

подобная слаженность говорит скорее об упорных тренировках, а не об обилии опыта.

Я оказался один на заднем сиденье. Кабина была разделена толстой стеклянной перегородкой. Передние двери были еще открыты. В машину залезли Бейкер и Стивенсон. Бейкер сел за руль. Стивенсон, развернувшись, не сводил с меня глаз. Все молчали. Машина прикрытия поехала следом. Обе машины были новыми. Мы ехали плавно и бесшумно. Внутри было чисто и прохладно. На заднем сиденье никаких свидетельств отчаяния, оставленных теми, кто ездил здесь до меня.

Я смотрел в окно. Штат Джорджия. Я видел богатую, плодородную землю. Жирный, мокрый краснозем. Длинные ровные ряды кустов на полях. Наверное, арахис. От него толстеют, но тот, кто его выращивает, получает хорошие деньги. Или тот, кто владеет полями. Кому здесь принадлежит земля? Тем, кто ее обрабатывает, или огромным сельскохозяйственным корпорациям? Я не знал.

Дорога до городка заняла несколько минут. Машина шелестела по ровному мокрому асфальту. Примерно через полмили я увидел два опрятных здания, новых, окруженных ухоженной зеленью. Полицейский участок и пожарная станция. Они стояли особняком, у просторного сквера с памятником, на северной окраине города. Симпатичная архитектура центра округа с богатым бюджетом. Ровный асфальт на дорогах, тротуары, вымощенные красной плиткой. В трехстах ярдах к югу возвышался ослепительно-белый шпиль церкви, за которым сбились в кучку немногочисленные жилые дома. Я разглядел флагштоки, навесы, свежую краску, зеленые лужайки. Все выглядело чистым после недавнего ливня. Все парило и казалось каким-то особенно свежим. Процветающий городок, обязанный своим благосостоянием доходам с сельскохозяйственных угодий и высоким налогам, которые платят жители, работающие в Атланте.

Сбавив скорость, машина свернула к полицейскому участку. Стивенсон по-прежнему не отрывал от меня глаз. Широкая

подъездная дорога полукругом. Я прочитал выложенную кирпичом надпись: «Полицейский участок Маргрейва». У меня мелькнула мысль: есть ли причины для беспокойства? Я арестован. В городке, где никогда прежде не бывал. Судя по всему, по подозрению в убийстве. Но я знал две вещи. Во-первых, нельзя доказать, что что-то случилось, если на самом деле этого не было. И во-вторых, я никого не убивал.

По крайней мере, не в этом городе и не в последнее время.

Глава 2

Мы подъехали прямо к дверям длинного невысокого здания. Выйдя из машины, Бейкер осмотрелся по сторонам. Ребята из группы прикрытия стояли рядом. Стивенсон обошел машину сзади и встал напротив Бейкера. Направил на меня ружье. Слаженная команда. Бейкер открыл мою дверь.

– Приехали, вылезай, – сказал он чуть ли не шепотом.

Покачиваясь на пятках, он огляделся вокруг. Неуклюже развернувшись, я с трудом выбрался из машины. Наручники никак не способствовали свободе движений. Жара усилилась. Шагнув вперед, я стал ждать. Отряд прикрытия занял позицию у меня за спиной. Впереди вход в полицейский участок. На узкой мраморной доске была высечена надпись: «Полицейский участок города Маргрейв». Под ней раздвижные стеклянные двери. Бейкер открыл одну створку, отводя ее до резинового упора. Меня подтолкнули вперед. Дверь плавно закрылась у меня за спиной.

Внутри здания нас снова встретила прохлада. Вокруг все белое и хромированное. Люминесцентные лампы. Так выглядит банк или страховое агентство. На полу ковролин. При нашем появлении сидевший за длинным столом дежурный встал. Общий вид полицейского участка был таким, что я не удивился бы, если бы сержант сказал: «Чем я могу вам помочь, сэр?» Но он ничего не сказал. Он просто молча посмотрел на меня. У него за спиной была дверь в просторное помещение. Там за низким, широким столом что-то набирала на компьютере темноволосая женщина в форме. Оторвавшись от экрана, она тоже посмотрела на меня. Я стоял в окружении двух полицейских. Стивенсон прижался спиной к столу дежурного. Его ружье по-прежнему было направлено на меня. Бейкер замер рядом с ним, не спуская с меня глаз. Дежурный сержант и женщина в форме смотрели на меня. Я смотрел на них.

Затем меня провели налево и остановили перед дверью. Бейкер распахнул дверь, и меня толкнули в комнату. Комнату допросов. Без окон. Белый стол и три стула. Ковер. В углу под потолком видеокамера. В комнате было очень прохладно. А я, промокнув до нитки под дождем, так и не успел высохнуть.

Я стоял посреди комнаты, а Бейкер извлекал содержимое моих карманов. Мои вещи образовали на столе небольшую кучку. Газета. Пачка банкнот. Немного мелочи. Квитанции, билеты, клочки бумаги. Изучив газету, Бейкер вернул ее мне в карман. Посмотрел на мои часы и оставил их у меня на запястье. Это его не интересовало. Все остальное было свалено в большой застегивающийся пакет, предназначенный для тех, у кого в карманах гораздо больше вещей, чем у меня. К пакету была прикреплена белая бирка. Стивенсон написал на ней какой-то номер.

Бейкер предложил мне сесть. Затем все вышли из комнаты. Стивенсон унес пакет с моими вещами. Полицейские закрыли за собой дверь, и я услышал щелчок солидного, хорошо смазанного замка, с массивной стальной щеколдой. Замка, который не выпустит меня отсюда.

Я ожидал, что на какое-то время меня оставят одного. Как правило, бывает именно так. Изоляция порождает желание поговорить. Желание поговорить может породить желание сделать признание. Грубый, внезапный арест, а потом час полного одиночества – очень неплохая стратегия.

Но я ошибся. Меня не собирались оставлять одного. Возможно, второй небольшой тактический просчет. Открыв дверь, в комнату вошел Бейкер. Он держал в руке пластмассовый стаканчик с кофе. Сделав знак, Бейкер пригласил в комнату женщину в форме. Ту самую, которая печатала на компьютере. Массивный замок защелкнулся у нее за спиной. Женщина поставила на стол металлический чемоданчик. Раскрыв его, она достала длинную черную рамку, в которую были вставлены белые пластмассовые пластинки с цифрами.

Женщина протянула мне рамку с тем виноватым сочувствием, которое свойственно медсестрам в зубоучебных кабинетах. Взяв рамку скованными руками, я заглянул, убеждаясь, что держу ее правильно, и поднес к груди. Женщина достала из чемоданчика старый фотоаппарат и уселась напротив меня. Поставив для упора руки на стол, она наклонилась вперед, коснувшись грудью края стола. Красивая женщина. Темные волосы, большие глаза. Я улыбнулся. Сверкнула вспышка, затвор щелкнул. Прежде чем женщина успела меня об этом попросить, я повернулся, подставляя свой профиль. Прижал рамку с номером к плечу и уставился в стену. Снова сверкнула вспышка, щелкнул затвор. Развернувшись назад, я вернул женщине рамку. Обеими руками, из-за наручников. Она приняла ее со сдержанной улыбкой, говорившей: «Да, это неприятно, но так надо». Совсем как медсестра в зубоучебном кабинете.

Затем женщина достала оборудование для снятия отпечатков пальцев. Новенькая карточка, расчерченная на десять квадратов, уже пронумерованная. Как всегда, для большого пальца отведено слишком мало места. У этой карточки на обороте было два больших квадрата для отпечатков ладоней. Наручники сильно затруднили процесс. Бейкер не предложил их снять. Женщина намазала мои руки чернилами. Пальцы у нее были гладкие и холодные, обручального кольца нет. Затем она дала мне тряпку. Чернила стерлись без следа. Какой-то новый состав, с которым я еще не встречался.

Разрядив фотоаппарат, женщина положила пленку и карточку с отпечатками пальцев на стол. Затем она убрала фотоаппарат в чемоданчик. Бейкер постучал в дверь. Замок снова щелкнул. Женщина собрала свои вещи. Никто не произнес ни слова. Женщина ушла. Бейкер остался со мной. Он закрыл дверь и запер ее на тот же самый смазанный замок. После чего, прислонившись к двери спиной, посмотрел на меня.

– Сейчас сюда придет наш начальник, – сказал он. – Он хочет с вами поговорить. У нас тут запутанная ситуация. Ее надо прояснить.

Я ничего не ответил. Разговор со мной не поможет прояснить никакую ситуацию. Но Бейкер вел себя вежливо. Относился ко мне с уважением. Поэтому я предложил ему тест. Протянул руки. Молчаливая просьба снять наручники. Встав, Бейкер поколебался и, достав из кармана ключ, снял наручники, пристегнул их к своему ремню. Посмотрел на меня. Выдержав его взгляд, я опустил руки. Никаких признательных вздохов облегчения. Никакого печального растирания запястий. Я не хотел устанавливать с этим парнем никаких отношений. Но я все же заговорил.

– Хорошо, – сказал я. – Пойдемте встретимся с вашим начальником.

Я заговорил впервые с тех пор, как заказал завтрак. Так что Бейкер посмотрел на меня с признательностью. Он постучал в дверь, и ее открыли снаружи. Открыв дверь, Бейкер подал мне знак выходить. За дверью нас ждал Стивенсон. Ружье исчезло. Отряд прикрытия исчез. Похоже, все потихоньку успокоились. Мы прошли через весь коридор до двери в конце. Стивенсон толкнул ее, и мы вошли в просторный кабинет, отделанный красным деревом.

За массивным письменным столом из красного дерева сидел жирный тип. У него за спиной висели два больших флага. Звездно-полосатый с золотой каймой слева и, как я решил, флаг штата Джорджия справа. На стене между флагами помещались большие старинные часы в круглом корпусе из красного дерева, выглядевшие так, словно их надраивали не один десяток лет. Я предположил, что эти часы находились еще в старом здании полицейского участка, которое снесли, чтобы выстроить это, новое. Наверное, архитектор пытался с помощью этих часов передать связь времен. Они показывали почти половину первого.

Меня подтолкнули к столу, и жирный тип поднял на меня взгляд. Пустой. Оценивающий. Он снова посмотрел на меня, на этот раз

пристальнее. И, ухмыльнувшись, заговорил свистящим кашлем, который был бы криком, если бы его не душили больные легкие.

– Опускай свою задницу на этот стул и не смей открывать свою грязную пасть!

Жирный тип меня удивил. Он производил впечатление законченного кретина. Это никак не вязалось с тем, что я видел до сих пор. Бейкер и его люди знали свое дело. При задержании они действовали профессионально и уверенно. Женщина из лаборатории тоже кое в чем разбиралась. Но этот жирный начальник даром коптил небо. Грязные редееющие волосы. Он обливался потом, несмотря на прохладу кондиционеров. Серое лицо в багровых пятнах, дряблые мышцы, гора лишнего жира. Давление космически высокое. Артерии твердые как камень. Судя по всему, пустое место.

– Моя фамилия Моррисон, – чихнув, объявил мне начальник. Как будто мне было до этого какое-то дело. – Я начальник полицейского участка Маргрейва. А ты – убийца-чужак. Ты явился в мой город и забрался во владения мистера Клинера. Так что сейчас ты во всем чистосердечно признаешься моему старшему следователю.

Умолкнув, полицейский снова посмотрел на меня. Точно пытаюсь вспомнить, где меня видел, или ожидая ответа. Он ничего не дождался. Начальник ткнул в меня жирным пальцем.

– А потом ты отправишься в тюрьму, – заявил он. – И сядешь на электрический стул. А потом я попрыгаю на твоей могиле, бездомный кусок дерьма.

Оторвав свою тушу от кресла, он отвернулся в сторону.

– Я бы сам с тобой поработал, – сказал он. – Но я человек занятой.

Начальник неуклюже выбрался из-за стола. Я стоял на полпути между столом и дверью. Проходя мимо, он остановился. Его жирный нос оказался на одном уровне со средней пуговицей моего пиджака. Начальник снова посмотрел на меня, определенно чем-то озадаченный.

– Я тебя уже видел, – наконец сказал он. – Где?

Он посмотрел на Бейкера, затем на Стивенсона. Словно ожидая, что они запомнят, что он сказал и когда.

– Я уже видел этого типа, – повторил начальник.

Он захлопнул за собой дверь кабинета, и я остался ждать вместе с двумя полицейскими старшего следователя. Это оказался высокий негр, не старый, но с редящими волосами с проседью, придававшей ему аристократический вид. Деловой и уверенный. Хорошо одетый, в старомодном твидовом костюме. Молескиновый жилет. Начищенные до блеска ботинки. Этот парень выглядел так, как должен был бы выглядеть начальник. Он подал знак Бейкеру и Стивенсону, чтобы те нас оставили. Закрыв за ними дверь. Сел за стол и предложил мне сесть напротив.

Выдвинув с грохотом ящик, негр достал кассетный магнитофон. Высоко поднял его в вытянутой руке, вытягивая запутанные провода. Воткнул сетевой шнур и микрофон. Вставил кассету. Нажал клавишу записи и пощелкал по микрофону ногтем. Остановил кассету и отмотал ее назад. Нажал клавишу воспроизведения. Услышал щелчок своего ногтя. Удовлетворенно кивнул. Снова перемотал кассету назад и нажал клавишу записи. Я сидел и молча наблюдал за его действиями.

Какое-то время стояла полная тишина. Слышался лишь приглушенный шум кондиционера, ламп дневного света или компьютера. Или мягкое ворчание магнитофона. Я мог различить медленное тиканье старинных часов. Этот звук вселял спокойствие, словно заверяя меня, что часы будут идти вечно, независимо от того, что я буду делать. Наконец негр выпрямился в кресле и пристально посмотрел на меня. Сплел пальцы, как это умеют делать высокие изящные люди.

– Ну хорошо, – сказал он. – У нас есть кое-какие вопросы, правда?

Низкий голос, похожий на шум водопада. Акцент не южный. Внешностью и голосом следователь напоминал банкира из Бостона, но только был чернокожим.

– Моя фамилия Финли, – сказал он. – Звание – капитан. Я возглавляю следственное отделение полиции Маргрейва. Насколько я понял, вас предупредили о ваших правах, однако вы не подтвердили, что их понимаете. Прежде чем продолжить, мы должны уладить этот предварительный вопрос.

Не банкир из Бостона. Скорее, выпускник Гарвардского университета.

– Я понимаю свои права, – сказал я.

Негр кивнул.

– Хорошо, – произнес он. – Рад это слышать. Где ваш адвокат?

– Адвокат мне не нужен.

– Вас обвиняют в убийстве, – сказал негр. – Вам нужен адвокат. Знаете, мы обеспечим вас адвокатом. Бесплатно. Вы хотите, чтобы мы обеспечили вас бесплатным адвокатом?

– Нет, адвокат мне не нужен, – повторил я.

Сплетя пальцы, негр по фамилии Финли внимательно посмотрел на меня.

– Ну хорошо, – сказал он. – Но в таком случае вам придется подписать официальный отказ. Понимаете, вам посоветовали воспользоваться услугами адвоката, и мы готовы обеспечить вас адвокатом, причем без каких-либо затрат с вашей стороны, но вы категорически отказываетесь.

– Хорошо, подпишу, – согласился я.

Финли достал из ящика стола бланк, сверился с часами и проставил дату и время. Он протянул мне бланк. Строчка, где я должен расписаться, была отмечена большим крестом. Финли предложил мне ручку. Расписавшись, я протянул бланк назад. Финли его изучил. Убрал в светло-коричневую папку.

– Я не смог разобрать вашу подпись, – сказал он. – Так что начнем с того, что вы назовете свое имя, местожительство и дату рождения.

Снова наступила тишина. Я посмотрел на негра. Упорный тип. Судя по всему, ему лет сорок пять. Для того чтобы стать начальником следственного отдела Управления полиции штата Джорджия в

возрасте сорока пяти лет, да еще чернокожему, необходимо быть очень упорным. Такому морочить голову бесполезно. Я набрал полную грудь воздуха.

– Меня зовут Джек Ричер, – сказал я. – Просто Джек Ричер. Без среднего имени. Адреса нет.

Финли записал то, что я сказал. Много времени это у него не заняло. Я назвал ему дату своего рождения.

– Хорошо, мистер Ричер, – сказал Финли. – Как я уже говорил, у нас к вам есть много вопросов. Я просмотрел ваши личные вещи. У вас не было при себе никаких документов, удостоверяющих личность. Ни водительского удостоверения, ни кредитных карточек – ничего. Как вы только что сказали, вы нигде не живете. Так что я спрашиваю себя: что это за человек?

Он не ждал с моей стороны никаких замечаний.

– Кто тот тип с бритой головой? – спросил Финли.

Я молчал, не отрывая взгляда от больших часов. Следя за тем, как движется минутная стрелка.

– Расскажите мне, что произошло, – настаивал он.

Я понятия не имел, что произошло. Абсолютно никакого. С кем-то что-то произошло, но не со мной. Я сидел. И молчал.

– Что такое «*pluribus*»? – спросил Финли.

Посмотрев на него, я пожал плечами.

– Наверное, девиз Соединенных Штатов? – предположил я. – «*E pluribus unum*» – «В многообразии едины». Принят в тысяча семьсот семьдесят шестом году Вторым Континентальным конгрессом, верно?

Он лишь проворчал что-то нечленораздельное. Я смотрел прямо на него. Я решил, что этот человек сможет ответить на мои вопросы.

– Что все это значит? – спросил я.

Снова молчание. Настал черед Финли смотреть на меня. Я видел, он думает, отвечать ли мне и как.

– Что все это значит? – повторил я.

Откинувшись назад, он опять сплел пальцы.

– Вам хорошо известно, что все это значит, – наконец сказал он. – Убийство. С очень неприятными подробностями. Жертва была обнаружена сегодня утром на складах Клинера. У северного конца шоссе, пересекающего наш округ, у самой петли развязки на автостраде. Свидетель сообщил о том, что видел человека, идущего с той стороны. Около восьми часов утра. По его описанию, белый мужчина, очень высокий, в длинном черном пальто, светлые волосы, без шляпы, без сумки.

Опять молчание. Я белый мужчина. У меня очень большой рост. У меня светлые волосы. Я сидел перед Финли, одетый в длинное черное пальто. У меня не было шляпы и сумки. По этому шоссе я шел сегодня утром почти четыре часа. С восьми до без четверти двенадцать.

– Сколько по шоссе до этого места? – спросил я. – От автострады до города?

Финли задумался.

– Думаю, около четырнадцати миль, – сказал он.

– Точно, – согласился я. – Я прошел пешком весь путь от автострады до города. Около четырнадцати миль. Наверное, меня многие видели. Но это не значит, что я кому-то сделал плохо.

Финли ничего не ответил. Во мне разгоралось любопытство.

– Это ваш участок? – спросил я. – Вся местность до автострады?

– Да, наш, – подтвердил он. – Вопрос юрисдикции не стоит. Вам от нас не отделаться, мистер Ричер. Границы города простираются на четырнадцать миль, до самой автострады. Склады на моем участке, в этом нет сомнений.

Он остановился. Я кивнул. Он снова заговорил:

– Клинер построил эти склады пять лет назад. Вы о нем слышали?

Я покачал головой.

– Почему я должен был о нем слышать? – спросил я. – Я никогда прежде не бывал в ваших краях.

– Клинер у нас большая шишка, – продолжал Финли. – Со своей деятельности он платит много налогов, что для нас очень хорошо.

Город получает большие поступления, причем без лишней грязи и шума, так как склады далеко, правильно? Поэтому мы стараемся присматривать за складами. Но вот они стали местом убийства, и вы должны нам кое-что объяснить.

Этот человек занимается своим делом, но он напрасно отнимает у меня время.

– Хорошо, Финли, – сказал я. – Я сейчас сделаю заявление, в котором опишу каждый свой шаг с тех пор, как я вошел в пределы вашего убогого городишки, и до того, как меня прямо посреди завтрака вытащили из-за стола, черт побери, и приволокли сюда. Если вы хоть что-нибудь из этого выудите, я дам вам медаль. Потому что в течение почти четырех часов я только и делал, что переставлял ноги под проливным дождем, все четырнадцать ваших драгоценных чертовых миль.

Это была самая длинная речь, которую я произнес за последние полгода. Финли молча таращился на меня. Я видел, что он сейчас решает основную дилемму, встающую перед следователем. Нутром он чувствовал, что я, скорее всего, не тот, кто ему нужен. Но я сижу перед ним. И что остается делать следователю? Я дал ему возможность подумать. Выжидая подходящего момента, чтобы подтолкнуть его в нужном направлении. Я собирался намекнуть о том, что, пока он тратит время на меня, настоящий убийца разгуливает на свободе. Это дало бы дополнительную пищу его беспокойству. Но Финли прыгнул первым. В ошибочном направлении.

– Никаких заявлений, – сказал он. – Я буду задавать вопросы, а вы будете на них отвечать. Вы Джек Просто Ричер. Без адреса. Без документов. Кто вы – бродяга?

Я вздохнул. Сегодня была пятница. Большие часы показывали, что она уже наполовину прошла. Этот Финли будет дотошно ковыряться во всех мелочах. Значит, мне придется проторчать за решеткой все выходные. Скорее всего, выпустят меня в понедельник.

– Я не бродяга, Финли, – сказал я. – Я странник. Это большая разница.

Он медленно покачал головой.

– Ты не умничай, Ричер, – сказал он. – Ты по уши в дерьме. Плохи твои дела. Наш свидетель видел, как ты уходил с места преступления. Ты здесь чужак, у тебя нет документов, ты ничего не можешь сказать в свое оправдание. Так что лучше не умничай.

Финли по-прежнему занимался своим делом и по-прежнему напрасно отнимал у меня время.

– Я не уходил с места преступления, – сказал я. – Я четыре часа шел пешком по этой треклятой дороге. Это ведь большая разница, правда? Преступники, покидающие место преступления, пытаются сделать это как можно быстрее и незаметнее. Они не пользуются общественными дорогами. Что плохого в том, чтобы идти по дороге? Люди постоянно ходят по дорогам, разве не так, черт побери?

Подавшись вперед, Финли покачал головой.

– Нет, – сказал он. – По этой дороге никто не ходил пешком с тех самых пор, как был изобретен автомобиль. И почему у вас нет адреса? Откуда вы родом? Ответьте на эти вопросы. Начнем все с самого начала.

– Хорошо, Финли, начнем с самого начала, – согласился я. – У меня нет адреса, потому что я нигде не живу. Быть может, когда-нибудь я буду где-то жить, тогда у меня появится адрес и я пришлю тебе открытку, чтобы ты вклеил ее в свой альбом, поскольку тебя, похоже, это очень беспокоит.

Финли смерил меня взглядом, решая, как ему отнестись к моей выходке. Он остановился на спокойствии. Спокойствии, объединенном с упорством.

– Откуда вы родом? – спросил он. – Какой ваш последний адрес?

– Что именно вы имеете в виду, спрашивая, откуда я родом? – спросил я.

Финли сжал губы. Я начинал выводить его из себя, но он сохранял выдержку. Прикрутил ее к себе нитями ледяного сарказма.

– Ну хорошо, – сказал он. – Вы не поняли мой вопрос, так что позвольте растолковать его подробнее. Я имел в виду, где вы родились или прожили какой-то значительный период своей жизни, который вы интуитивно рассматриваете как доминирующий в социальном или культурном плане.

Я лишь молча смотрел на него.

– Приведу пример, – продолжал Финли. – Лично я родился в Бостоне, получил образование в Бостоне и в дальнейшем проработал в Бостоне двадцать лет, поэтому я имею полное основание сказать, и вы, думаю, со мной согласитесь, что я из Бостона.

Я был прав. Выпускник Гарварда. Выпускник Гарварда, начинающий терять терпение.

– Ладно, – заговорил я. – Вы задали мне вопросы, и я на них отвечу. Но позвольте сначала вам кое-что сказать. Я не тот, кто вам нужен. К понедельнику вы сами это поймете. Так что сделайте себе одолжение: не прекращайте поиски.

С трудом поборов улыбку, Финли кивнул:

– Благодарю вас за совет. И за заботу о моей карьере.

– Всегда пожалуйста.

– Продолжайте, – сказал он.

– Отлично. Согласно вашим мудреным определениям, я не происхожу ниоткуда. Я из места, именуемого Армия. Я родился на базе армии США в Западном Берлине. Мой старик служил в морской пехоте, а мать была француженкой. Они познакомились в Голландии и поженились в Корее.

Финли сделал пометку в блокноте.

– Я был сыном армии, – продолжал я. – Покажите мне перечень американских военных баз во всем мире – и вот перечень тех мест, где я жил. В школу я ходил в двух десятках разных стран, а затем четыре года учился в военной академии в Уэст-Пойнте.

– Продолжайте, – повторил Финли.

– Я остался в армии, – сказал я. – Поступил в военную полицию. Я снова жил и нес службу на всех этих базах. А потом, Финли, после тридцати шести лет, прожитых на белом свете сначала сыном военного, а затем военным, я вдруг узнал, что больше нет необходимости в огромной, могучей армии, потому что Советы легли брюхом кверху. И вот ура! Мы стрижем купоны с окончания холодной войны. Что для вас означает то, что ваши налоги теперь будут тратиться на что-то другое, но я остаюсь безработным, бывшим военным полицейским, которого называют бродягой самодовольные гражданские болваны, не продержавшиеся бы и пяти минут в мире, в котором я жил.

Финли обдумал мои слова. Похоже, они не произвели на него особого впечатления.

– Дальше, – сказал он.

Я пожал плечами.

– Так что сейчас я просто получаю удовольствие от жизни, – сказал я. – Быть может, со временем я найду чем заняться, быть может, не найду. Быть может, я где-нибудь осяду, быть может, нет. Но прямо сейчас мне этого не хочется.

Финли кивнул. Сделал еще кое-какие пометки.

– Когда вы уволились из армии? – спросил он.

– Полгода назад. В апреле.

– И вы с тех пор нигде не работали?

– Вы шутите, – усмехнулся я. – Когда вы сами в последний раз искали работу?

– В апреле, – сказал он, пародируя меня. – Полгода назад. И я нашел это место.

– Что ж, вам повезло, Финли.

Я больше не знал, что сказать, и поэтому умолк. Финли какое-то время смотрел на меня.

– На что вы жили с тех пор? – спросил он. – Какое у вас было звание?

– Майор, – ответил я. – Когда мне дали пинка под зад, я получил выходное пособие. До сих пор сохранил его почти полностью. Пытаюсь растянуть как можно дольше, понимаете?

Долгая пауза. Финли принялся выбивать ритм концом ручки.

– Ладно. Давайте поговорим о последних двадцати четырех часах, – сказал он.

Я вздохнул. Дальше мой путь лежал через тернии.

– Я приехал на автобусе компании «Грейхаунд», – сказал я. – Сошел у развязки. В восемь утра. Дошел по шоссе пешком до города, зашел в ресторан, заказал завтрак и начал его есть, когда появились ваши ребята и притащили меня сюда.

– У вас тут есть какие-нибудь дела? – спросил Финли.

Я покачал головой:

– Я не работаю. У меня нигде нет никаких дел.

Он старательно записал это.

– Где вы сели на автобус? – спросил он.

– В Тампе. Он выехал вчера в полночь.

– В Тампе, штат Флорида? – переспросил Финли.

Я кивнул.

Он выдвинул другой ящик. Достал расписание автобусов «Грейхаунд». Раскрыл его на нужной странице и начал водить по ней длинным коричневым пальцем. Это был очень дотошный полицейский.

Наконец Финли пристально посмотрел на меня.

– Этот рейс идет экспрессом, – сказал он. – Прямоком на север, до самой Атланты. Прибывает туда в девять утра. Здесь не останавливается.

Я покачал головой.

– Я попросил водителя остановиться, – сказал я. – Он ответил, что не имеет права это делать, но все же остановился. Остановился специально для того, чтобы выпустить меня.

– Вы уже бывали здесь прежде? – спросил Финли.

Я снова покачал головой.

- У вас здесь родные? – продолжал он.
- Нет, здесь никого нет.
- А вообще родные есть? – настаивал он.
- Брат в Вашингтоне, – сказал я. – Работает в казначействе.
- У вас в Джорджии есть друзья, знакомые?
- Нет, – сказал я.

Финли записал все мои ответы. Затем наступила долгая тишина. Я знал точно, каким будет его следующий вопрос.

– Тогда почему? – спросил Финли. – Почему вы сошли с автобуса на незапланированной остановке и шли пешком до города, в котором у вас нет абсолютно никаких дел?

Это был убийственный вопрос. Финли мне его задал. Как, несомненно, задаст и прокурор. А у меня не было на него убедительного ответа.

– Ну что вам сказать? Это был каприз. Меня тянуло к перемене мест. Должен же я был куда-то попасть, верно?

– Но почему именно сюда? – спросил Финли.

– Не знаю, – признался я. – У моего соседа была карта, и я выбрал этот городок. Мне хотелось держаться подальше от оживленных мест. У меня была мысль сделать круг и вернуться обратно к заливу, но только, быть может, чуть западнее.

– Вы выбрали это место наугад? – спросил Финли. – Не вешайте мне лапшу на уши. Как вы могли его выбрать? Это же всего-навсего название. Точка на карте. У вас должна была быть какая-то причина.

Я кивнул.

– Я решил заглянуть к Слепому Блейку, – сказал я.

– Кто такой этот Слепой Блейк? – спросил Финли.

Я видел, как он просчитывает различные сценарии так, как шахматный компьютер просчитывает возможные ходы. Кто мне этот Слепой Блейк – друг, враг, сообщник, заговорщик, учитель, кредитор, должник, моя следующая жертва?

– Слепой Блейк – это гитарист, – пояснил я. – Он умер шестьдесят лет назад; возможно, был убит. Мой брат купил пластинку, на

конверте была статья, и там говорилось, что это произошло в Маргрейве. Брат написал мне об этом. Сказал, что он был здесь пару раз весной, по каким-то делам. Я решил сам заглянуть и попробовать что-нибудь выяснить.

Финли молча вытаращил глаза. Мое объяснение показалось ему совсем неубедительным. Если бы я был на его месте, оно мне тоже показалось бы неубедительным.

– Вы приехали сюда для того, чтобы найти гитариста? – спросил он. – Гитариста, умершего шестьдесят лет назад? Почему? Вы играете на гитаре?

– Нет.

– Как ваш брат мог вам написать? – спросил он. – У вас ведь нет адреса.

– Он написал на адрес части, где я служил, – ответил я. – Оттуда всю мою почту переправляют в банк, куда я положил выходное пособие. Ее пересылают мне, когда я прошу выслать очередную порцию денег.

Финли покачал головой. Сделал пометку.

– Автобус компании «Грейхаунд», отъезжающий в полночь из Тампы, верно? – сказал он.

– Да, – подтвердил я.

– Билет сохранился?

– Полагаю, он в пакете с моими вещами, – сказал я, вспоминая, как Бейкер складывал в пакет весь тот мусор, что был у меня в карманах.

– А водитель автобуса вас вспомнит? – продолжал Финли.

– Думаю, вспомнит, – сказал я. – Это была незапланированная остановка. Мне пришлось его уговаривать.

Я превратился в зрителя, отрешенно наблюдающего за происходящим со стороны. Сейчас моя задача не отличалась от той, что стояла перед Финли. У меня возникло странное ощущение, что мы с ним беседуем о каком-то абстрактном деле. Коллеги, обсуждающие запутанную проблему.

– Почему вы нигде не работаете? – спросил Финли.

Я пожал плечами. Попытался объяснить.

– Потому что я не хочу работать, – сказал я. – Я работал тринадцать лет, и это меня никуда не привело. У меня такое ощущение, будто я попробовал делать так, как положено, но из этого ни черта не вышло. А теперь я буду делать так, как хочу сам.

Финли молча смотрел на меня.

– У вас были неприятности в армии? – спросил он.

– Не больше, чем у вас в Бостоне, – ответил я.

Похоже, он удивился.

– Что вы хотите сказать?

– Вы проработали в Бостоне двадцать лет, – сказал я. – Вы сами мне это сказали, Финли. Так почему вы очутились в этом забытом богом захолустье? Вы должны были выйти на пенсию, жить в свое удовольствие и ловить рыбу на мысе Код или где-нибудь еще. Что же с вами случилось?

– Вас это не касается, мистер Ричер, – нахмурился Финли. – Отвечайте на мой вопрос.

Я пожал плечами:

– Спросите у армии.

– Спрошу, – заверил меня он. – В этом вы можете не сомневаться, черт побери. Вас уволили с хорошей аттестацией?

– А разве в противном случае я получил бы выходное пособие? – ответил вопросом на вопрос я.

– Почему я должен верить, что вы получили от армии хотя бы ломаный грош? – настаивал Финли. – Вы живете как последний бродяга. Итак, с хорошей аттестацией? Да или нет?

– Да, – ответил я. – Естественно.

Он сделал еще одну пометку. Задумался.

– Как вы отнеслись к тому, что вас уволили со службы? – наконец спросил он.

Я обдумал его вопрос. Пожал плечами.

– Никак. Вот я был в армии, а теперь уже не в армии.

– Вы испытываете злость? – настаивал Финли. – Чувствуете, что вас предали?

– Нет, – сказал я. – А должен чувствовать?

– И вас ничего не беспокоит? – спросил он так, как будто что-то обязательно должно было быть.

Я чувствовал, что хорошо бы что-нибудь ему ответить. Но не мог ничего придумать. Я служил в армии с самого своего рождения. Теперь я уже не служил в армии. И чувствовал себя бесподобно. Чувствовал свободу. Как будто всю жизнь у меня слегка болела голова. А я заметил это только тогда, когда она перестала болеть. Меня беспокоило только то, чем жить дальше. Чем зарабатывать на жизнь, не расставаясь с только что приобретенной свободой, – а это было весьма непросто. За полгода я не заработал ни гроша. Это была моя единственная проблема. Но я не собирался говорить о ней Финли. Он сочтет это мотивом. Подумает, что я решил обеспечить дополнительное финансирование своей бродяжнической жизни, грабя людей. На складах. А затем их убивая.

– Наверное, переход дался мне нелегко, – наконец сказал я. – Особенно если учесть, что такую жизнь я вел с детства.

Финли кивнул. Обдумал мой ответ.

– Почему уволили именно вас? – спросил он. – Вы сами вызвались уйти со службы?

– Я никогда и нигде не вызывался сам, – сказал я. – Первое правило солдата.

Опять молчание.

– У вас была какая-то специализация? – наконец спросил Финли. – На службе?

– Сначала общее поддержание порядка, – ответил я. – Таково правило. Затем пять лет я занимался обеспечением режима секретности. А последние шесть лет я занимался кое-чем другим.

Пусть сам спросит.

– Чем же? – спросил Финли.

– Расследованием убийств, – ответил я.

Финли откинулся назад. Крякнул. Снова сплел пальцы. Посмотрел на меня и шумно вздохнул. Подался вперед. Ткнул в меня пальцем.

– Верно, – сказал он. – Я обязательно все проверю. У нас есть ваши отпечатки. Они должны иметься в военном архиве. Мы запросим вашу служебную характеристику. От начала и до конца. Со всеми подробностями. Мы проверим автобусную компанию. Проверим билет. Найдем водителя, найдем пассажиров. И если вы сказали правду, мы достаточно скоро это выясним. Если вы сказали правду, возможно, это позволит вам отмыться. Несомненно, все определит хронология событий. Но пока в деле остается много неясного.

Помолчав, Финли снова шумно вздохнул. Посмотрел мне в лицо.

– Ну а до тех пор я буду действовать осторожно, – сказал он. – На первый взгляд про вас ничего хорошего не скажешь. Бродяга. Бездомный. Ни адреса, ни прошлого. Вполне вероятно, весь ваш рассказ – чушь собачья. Быть может, вы беглый преступник. Убиваете людей направо и налево во всех штатах. Я просто не знаю. Нельзя требовать от меня, чтобы я порадовал вас хотя бы каплей сомнения. Зачем мне сейчас сомневаться? Вы останетесь за решеткой до тех пор, пока мы не будем полностью уверены, договорились?

Это было то, что я и ожидал. Это было то, что я сам сказал бы на месте Финли. Тем не менее я покачал головой.

– Вы проявляете осторожность? – сказал я. – Это еще мягко сказано.

Он спокойно выдержал мой взгляд.

– Если я в чем-то не прав, в понедельник я угощаю вас обедом. У Ино, чтобы расквитаться за сегодняшний день.

Я снова покачал головой:

– Я не ищу здесь друзей.

Финли просто пожал плечами. Выключил магнитофон. Перемотал кассету назад. Вынул ее. Подписал. Нажал на кнопку переговорного устройства. Пригласил Бейкера. Я ждал. Было довольно прохладно,

но я уже успел высохнуть. Дождь, прошедший над Джорджией, промочил меня насквозь. Теперь вода испарялась в сухой воздух кабинета. Кондиционер всасывал ее в себя и отводил по трубке.

Постучав, в кабинет вошел Бейкер. Финли попросил его отвести меня в камеру. Затем кивнул. Этот жест говорил мне: если выяснится, что ты не тот, кого мы ищем, помни, я просто выполнял свою работу. Я кивнул в ответ. Мой жест говорил: пока ты перестраховываешься, убийца разгуливает на свободе.

Отделение для содержания под стражей представляло собой лишь отгороженный угол. Оно было разделено на три отдельные камеры вертикальными прутьями. Передняя стена была из решетки. Вход в каждую камеру через отдельную секцию на петлях. Металл тускло блестел. Чем-то напоминал титан. Во всех камерах на полу ковролин. И больше ничего. Ни табурета, ни топчана.

Лишь новая высокобюджетная версия загонов в полицейских участках, которые можно увидеть в старых фильмах.

– На ночь здесь не оставляют? – спросил я у Бейкера.

– Нет, – ответил тот. – Вечером вас перевезут в тюрьму штата. Автобус придет в шесть часов. Привезет вас назад в понедельник.

Захлопнув дверцу, он повернул ключ. Я услышал, как по всей высоте секции щелкнули засовы, входящие в гнезда. Электромагниты. Я достал из кармана газету. Снял пальто и свернул его. Растянулся на полу и подложил пальто под голову.

Вот теперь я точно вляпался. Выходные мне предстоит провести в тюрьме. Не в камере предварительного заключения в полицейском участке. И дело вовсе не в том, что у меня были какие-то планы на предстоящий уик-энд. Просто я хорошо знал, что такое обычная тюрьма. Многие дезертиры рано или поздно попадают в обычные тюрьмы. За какое-то преступление. Правоохранительные органы извещают армию. За дезертирами приезжают военные полицейские. Так что я знал, что такое обычная тюрьма. И перспектива провести в ней два дня не вызвала у меня никакого энтузиазма. Я лежал, раздраженно слушая шум полицейского участка. Звонили телефоны.

Стучали клавиатуры. То быстрее, то медленнее. Полицейские приходили и уходили, разговаривая вполголоса.

Тогда я постарался дочитать захваченную газету. Она была полна всякого вздора о президенте и о том, как он собирается переизбираться на второй срок. Старик посетил город Пенсакола на побережье залива Флорида. Он намеревался сбалансировать государственный бюджет до того, как поседеют его внуки. Президент обрезал расходы с ретивостью человека, продирающегося через джунгли с мачете в руке. В Пенсаколе досталось береговой охране. В течение последних двенадцати месяцев пограничники по собственной инициативе всеми силами полумесяцем выходили в воды залива и досматривали все суда, которые им чем-то не нравились. Судя по всему, год назад по этому поводу трубили фанфары. Успех превзошел самые смелые ожидания. Пограничники находили все, что угодно. В основном наркотики, но также оружие и нелегальных иммигрантов с Гаити и Кубы. Подобная акция снижала уровень преступности во всех штатах, за тысячи миль от побережья, в долгосрочной перспективе. Небывалый успех. Но сейчас от этого приходилось отказываться. Акция требовала очень больших денег. Береговая охрана перерасходовала выделенные средства. А президент сказал, что не может увеличить ее бюджет. Более того, он вынужден будет его урезать. Экономическое положение страны тяжелое. Пограничникам ничем нельзя помочь. Так что через неделю дежурство в море придется прекратить. Президент старался показать себя государственным деятелем. Большие шишки из правоохранительных органов очень разозлились, потому что, на их взгляд, предупредить преступление лучше, чем его расследовать. Но обитатели Вашингтона радуются, так как пятьдесят центов, потраченные на полицейского, патрулирующего улицы столицы, гораздо заметнее двух долларов, выброшенных в океан за две тысячи миль от избирателей. Обе стороны приводили множество аргументов. А президент самодовольно улыбался в объективы

фотоаппаратов и заявлял, что ничего не может поделывать. Я отбросил газету, так как чтение только распаляло мою злость.

Чтобы успокоиться, я включил в голове музыку. Припев песни «Smokestack Lightning»^[1]. В исполнении Хаулина Вулфа в конце первой строфы звучит изумительный сдавленный крик. Говорят, для того чтобы прочувствовать блюз, необходимо много ездить по железной дороге. Это неправда. Для того чтобы понять блюз, надо оказаться взаперти. В камере. Или в армии. За решеткой. Где-то там, откуда молния, попавшая в дымовую трубу, кажется далеким маяком недостижимой свободы. Я лежал, положив голову на свернутое пальто, и слушал звучащую в голове музыку. На третьем куплете я заснул.

Я проснулся оттого, что Бейкер начал долбить ногой по решетке. Раздался глухой звон, похожий на погребальный. Рядом с Бейкером стоял Финли. Они смотрели на меня. Я остался лежать на полу. Мне было так очень удобно.

– Где вы были вчера в полночь? – спросил Финли.

– Садился на автобус в Тампе, – ответил я.

– У нас появился новый свидетель, – сказал Финли. – Он видел вас в районе складов. Вчера вечером. Бесцельно слонявшегося. В полночь.

– Это полная чушь, Финли, – сказал я. – Такого быть не может. Что это еще за новый чертов свидетель?

– Этот свидетель – Моррисон, – сказал Финли. – Начальник полицейского участка. Он сразу сказал, что уже видел вас раньше. И вот теперь он вспомнил, где именно.

Глава 3

На меня снова надели наручники и отвели в кабинет, отделанный красным деревом. Финли сел за большой стол перед флагами, под старинными часами. Бейкер устроился в конце стола. Я сел напротив Финли. Он достал магнитофон. Вытащил спутанные провода. Поставил микрофон между нами. Постучал по нему ногтем. Перемотал пленку назад. Готово.

– Последние двадцать четыре часа, Ричер, – сказал Финли. – Подробно.

Обоих полицейских переполняло едва сдерживаемое возбуждение. Шаткое обвинение внезапно стало прочным. Их начинал охватывать азарт победы. Мне были знакомы эти признаки.

– Вчера вечером я был в Тампе, – сказал я. – В полночь сел на автобус. Это могут подтвердить свидетели. В восемь часов утра я сошел с автобуса в том месте, где шоссе подходит к автостраде. Если ваш Моррисон говорит, что видел меня в полночь, он ошибается. В это время я находился за четыреста миль отсюда. Больше я ничего не могу добавить. Можете проверить мои слова.

Финли молча посмотрел на меня. Затем кивнул Бейкеру, и тот открыл желтую кожаную папку.

– Личность жертвы не установлена, – начал Бейкер. – Никаких документов. Бумажника нет. Никаких отличительных примет. Белый мужчина, около сорока лет, очень высокий, бритый наголо. Труп был обнаружен сегодня в восемь часов утра на территории складов у внешней ограды, неподалеку от главных ворот. Он был частично прикрыт листами картона. Мы смогли снять отпечатки пальцев. Результат отрицательный. В базе данных они не числятся.

– Кто он, Ричер? – спросил Финли.

Бейкер подождал ответа с моей стороны. Ничего не дождался. Я сидел и слушал тихое тиканье старинных часов. Стрелки ползли к

половине третьего. Я молчал. Порывшись в папке, Бейкер достал другой лист бумаги. Взглянув на него, он продолжил:

– Жертва получила два выстрела в голову. Вероятно, из автоматического пистолета небольшого калибра, с глушителем. Первый выстрел был сделан с близкого расстояния, в левый висок, второй – в упор под левое ухо. Судя по всему, пули с мягкими наконечниками, потому что выходные отверстия полностью лишили этого парня лица. Дождь смыл пороховой нагар, но форма ожога предполагает применение глушителя. По-видимому, первый же выстрел стал смертельным. Пули не застряли в черепе. Гильз на месте преступления обнаружено не было.

– Где пистолет, Ричер? – спросил Финли.

Посмотрев на него, я скорчил гримасу. И ничего не сказал.

– Жертва умерла между половиной двенадцатого и часом ночи, – продолжал Бейкер. – Трупа не было, когда вечерний сторож в половине двенадцатого уходил с дежурства. Он утверждает это с полной определенностью. Труп был обнаружен, когда дневной сторож открывал ворота. Около восьми часов утра. Он увидел, как вы уходите с места преступления, и позвонил нам.

– Кто это был, Ричер? – снова спросил Финли.

Не обращая на него внимания, я посмотрел на Бейкера.

– Почему до часа ночи? – спросил я.

– Потому что ночью примерно в час начался ливень, – сказал Бейкер. – Асфальт под трупом остался абсолютно сухим. Значит, труп лежал на земле до того, как начался дождь. Согласно медицинскому заключению, жертва была застрелена около полуночи.

Я улыбнулся. Время смерти меня спасет.

– Расскажите, что было дальше, – тихо произнес Финли.

Я пожал плечами.

– Это вы мне сами расскажете, – сказал я. – Меня там не было. В полночь я находился в Тампе.

Подавшись вперед, Бейкер достал из папки еще один лист.

– А дальше произошло то, что ты спятил, – сказал он. – Сошел с ума.

Я покачал головой.

– В полночь меня там не было, – повторил я. – Я садился на автобус в Тампе. В этом нет ничего сумасшедшего.

Полицейские никак не отреагировали на мои слова. Они оставались угрюмыми.

– Твой первый выстрел его убил, – сказал Бейкер. – Затем ты выстрелил во второй раз, после чего словно обезумел и долго пинал труп ногами. На теле многочисленные травмы, полученные посмертно. Ты его застрелил, после чего превратил труп в месиво. Ты лупил его ногами что есть силы. На тебя напал приступ безумия. Затем ты успокоился и попытался завалить труп картоном.

Я заговорил не сразу.

– Посмертные травмы? – спросил я.

Бейкер кивнул.

– Что-то страшное, – подтвердил он. – Этот парень выглядит так, словно его сбил грузовик. Все кости переломаны. Но врач говорит, это произошло тогда, когда он уже был мертв. У тебя не все дома, Ричер, это точно, черт побери.

– Кто он? – в третий раз спросил Финли.

Я молча посмотрел на него. Бейкер прав. Дело становится странным. Очень странным. Неистовая жестокость, приводящая к смертельному исходу, – это уже плохо. Но жестокость по отношению к трупам еще хуже. Мне несколько раз приходилось с этим сталкиваться. И у меня не было никакого желания встретиться еще раз. Но так, как описал случившееся Бейкер, оно вообще не имело смысла.

– Как вы с ним познакомились? – спросил Финли.

Я смотрел на него. Ничего не отвечая.

– Что такое «pluribus»? – спросил он.

Я пожал плечами. Продолжая хранить молчание.

– Кто это был, Ричер? – снова спросил Финли.

– Меня там не было, – ответил я. – Я ничего не знаю.

Финли помолчал.

– Какой номер вашего телефона? – вдруг спросил он.

Я посмотрел на него как на сумасшедшего.

– Финли, черт побери, о чем вы говорите? – сказал я. – У меня нет телефона. Вы не поняли? Я нигде не живу.

– Я имел в виду сотовый телефон, – сказал Финли.

– Какой сотовый телефон? У меня нет сотового телефона.

Меня охватила паника. Эти полицейские принимают меня за убийцу. За сумасшедшего бродягу-наемника с сотовым телефоном, разгуливающего по стране и убивающего людей. А затем превращающего трупы в месиво. Связывающегося с какой-то подпольной организацией, наводящей меня на очередную жертву. Всегда в движении.

Финли наклонился вперед. Протянул мне лист бумаги. Это был обрывок бумаги от компьютерного принтера. Не старый. Покрытый блестящим слоем жира. Такой приобретает бумага, проведшая месяц в кармане. На нем было напечатано подчеркнутое заглавие: «Pluibus». Под ним телефонный номер. Я посмотрел на листок. Не притронулся к нему. Не желаю иметь какие-либо недоразумения с отпечатками пальцев.

– Это ваш номер телефона? – спросил Финли.

– У меня нет телефона, – повторил я. – Вчера ночью меня здесь не было. Чем больше вы будете приставать ко мне, Финли, тем больше времени потеряете.

– Это номер сотового телефона, – продолжал он. – Это мы установили точно. Принадлежит компании с центром в Атланте. Но абонента мы сможем установить только в понедельник. Поэтому мы обращаемся к вам, Ричер. Будет лучше, если вы поможете следствию.

Я снова посмотрел на клочок бумаги.

– Где вы это нашли?

Финли задумался. Решил все же ответить.

– Листок лежал в ботинке вашей жертвы, – сказал он. – Сложенный и спрятанный.

Я долго сидел молча. Мне было страшно. Я чувствовал себя как героиня детской книжки, провалившаяся в нору. Оказавшаяся в незнакомом мире, где все вокруг странное и непонятное. Как Алиса в Стране чудес. Она провалилась в нору? Или сошла не в том месте с автобуса «Грейхаунд»?

Я сидел в удобном, роскошном кабинете. От такого не отказался бы и швейцарский банк. Я находился в обществе двух полицейских. Умных и проницательных профессионалов. Вероятно, на двоих у них не меньше тридцати лет опыта. Хорошо оснащенный и укомплектованный грамотным личным составом полицейский участок. Скорее всего, проблемы с финансированием здесь не стоят. Слабое место – осел Моррисон в кресле начальника, но в целом мне давно не приходилось видеть такой четкой и слаженной организации. Но они со всех ног бегут в тупик. Все, похоже, убеждены в том, что земля плоская. А небо над Джорджией – это огромный купол, закрепленный у них над головой. Я был единственным, кто знал, что земля круглая.

– Два момента, – наконец сказал я. – Этот человек был застрелен в упор из автоматического пистолета с глушителем. Первый выстрел был смертельным, второй контрольным. Гильз нет. О чем это говорит? Работал профессионал?

Финли молчал. Его основной подозреваемый обсуждал с ним дело как с коллегой. Как следователь, он не должен был это допустить. Он должен был меня остановить. Но ему хотелось меня выслушать. Я буквально видел, как он спорит с самим собой. Финли сидел совершенно неподвижно, но его мысли возились, будто котят в мешке.

– Продолжайте, – в конце концов сказал он.

Торжественно, словно делая мне одолжение.

– Это была казнь, Финли, – сказал я. – Не ограбление и не ссора. Хладнокровная и хирургически точная казнь. Никаких улик на месте

преступления. То есть был опытный профессионал, ползающий с фонариком и подбирающий гильзы.

– Продолжайте, – повторил он.

– Выстрел в упор в левый висок, – сказал я. – Возможно, жертва находилась в машине. Убийца говорит с ней в окно, затем поднимает пистолет. Бух! После чего он наклоняется в салон и делает второй выстрел. Потом подбирает стреляные гильзы и уходит.

– Уходит, и все? – удивился Финли. – А как насчет остального? Вы хотите сказать, был и второй – сообщник?!

Я покачал головой.

– Их было трое, – сказал я. – Это же очевидно, правда?

– Почему трое? – спросил Финли.

– Но абсолютный минимум – двое, верно? – настаивал я. – Как жертва попала на склад? Скорее всего, приехала на машине. Слишком далеко до чего бы то ни было, чтобы идти пешком. В таком случае где же машина? Убийца также не пришел пешком. Так что абсолютный минимум – это двое. Они приехали вместе и уехали по отдельности, один на машине убитой жертвы.

– Но? – продолжал Финли.

– Но улики указывают на то, что было минимум три человека, – сказал я. – Взгляните с точки зрения психологии. Вот ключ к разгадке. Человек, аккуратно всаживающий пулю небольшого калибра из пистолета с глушителем в голову жертвы и делающий контрольный выстрел, вряд ли вдруг обезумеет и начнет пинать ногами труп, верно? А потом вдруг успокоится и попытается укрыть труп старым картоном. Перед вами три различных поступка, Финли. Так что вы имеете дело как минимум с тремя людьми.

Финли пожал плечами.

– Может быть, все же с двумя, – заметил он. – Возможно, прятал труп убийца – потом.

– И не надейтесь, – возразил я. – Он не стал задерживаться на месте преступления. Ему пришло бы не по душе дикая и совершенно бессмысленная жестокость. К тому же, оставаясь на

месте убийства, он рисковал, что его могут случайно увидеть. И еще. Если бы такой человек заметал за собой следы, он сделал бы это как надо. Не оставил бы труп там, где его нашел первый появившийся человек. Так что вы имеете дело с тремя разными людьми.

Финли задумался.

– Ну и?.. – сказал он.

– Ну и которым из них являюсь я? – спросил я. – Убийцей, маньяком или идиотом, прячущим тело?

Финли и Бейкер переглянулись. Ничего мне не ответили.

– Ладно, кем бы я ни был, что, по-вашему, произошло на складе? – продолжал я. – Я приезжаю туда с двумя друзьями, в полночь мы убиваем этого типа, после чего мои друзья уезжают, а я решаю остаться здесь? Почему? Это же чушь, Финли.

Он молчал. Думал.

– У меня нет двух дружков, – сказал я. – И машины. Так что в лучшем случае вы можете сказать, что жертва пришла туда пешком, как и я. Мы встретились, я очень аккуратно, профессионально застрелил этого человека, подобрал гильзы, вынул у него бумажник, но забыл обыскать ботинки. После этого спрятал оружие, глушитель, фонарик, сотовый телефон, гильзы, бумажник и все остальное. Затем вдруг совершенно поменял характер и принялся пинать труп ногами как сумасшедший. После этого снова полностью поменял характер и предпринял бессмысленную попытку спрятать труп. А потом просидел где-то восемь часов под дождем и пошел пешком в город. Это лучшее, что вы можете придумать. И это полнейшая чушь, Финли. Потому что, черт побери, зачем мне ждать восемь часов под дождем рассвета, чтобы уйти с места преступления?

Финли долго смотрел на меня.

– Я не знаю, – наконец сказал он.

Такой человек, как Финли, не делает подобного признания без внутренней борьбы. Казалось, из него вышел весь воздух. Дело, которое он вел, оказалось полной чушью, и Финли это понял. Но у него были серьезные проблемы с показаниями его собственного

шефа. Он не мог прийти к своему начальнику и сказать: «Моррисон, ты мешок с дерьмом». И он не мог заняться разработкой альтернативной версии, раз босс преподнес ему подозреваемого на блюде. Финли мог проверить мое алиби. Этим он мог заниматься. Никто не сможет обвинить его в излишней старательности. А затем в понедельник он начнет все сначала. Поэтому Финли чувствовал себя так отвратительно: он потеряет совершенно впустую семьдесят два часа. К тому же впереди его ждала еще одна серьезная проблема. Ему придется сказать своему начальнику, что я не мог быть на месте преступления в полночь. Он должен будет вежливо вытянуть из жирного Моррисона отказ от своих показаний. Это очень трудно, когда ты новичок, проработавший всего шесть месяцев. А тот, с кем ты имеешь дело, – полный осел и твой прямой начальник. Проблемы со всех сторон, поэтому Финли чувствовал себя хуже некуда. Он молчал, тяжело дыша и пытаясь решить, как быть дальше. Пора ему помочь.

– Телефонный номер, – сказал я. – Как вы определили, что это сотовый номер?

– По коду, – ответил Финли. – Вместо кода района у него префикс выхода в сотовую сеть.

– Отлично, – продолжал я. – Но вы не можете установить, кому принадлежит этот номер, потому что списка абонентов сотовой сети у вас нет, а управление сети отказывается вам помочь, верно?

– Они потребовали санкцию прокурора, – признался Финли.

– Но вы хотите узнать, кому принадлежит этот номер, так? – сказал я.

– Вы знаете, как это сделать без ордера?

– Возможно, – сказал я. – Почему бы просто не позвонить по этому номеру и не узнать, кто ответит?

Им это в голову не пришло. Наступила тишина. Полицейские были смущены. Они старались не смотреть друг на друга. И на меня. Молчание.

Бейкер решил умыть руки и оставить Финли отдуваться одного. Собрав бумаги, он жестом показал, что собирается пойти поработать. Кивнув, Финли его отпустил. Бейкер встал и вышел. Закрыв за собой дверь очень тихо. Финли открыл рот. И молча закрыл его. Ему хотелось спасти свое лицо. Очень хотелось.

– Это номер сотового телефона, – сказал он наконец. – Даже если я по нему позвоню, я все равно не смогу установить, кому он принадлежит и где находится этот человек.

– Послушайте, Финли, – сказал я. – Мне наплевать, кому принадлежит этот номер. Меня интересует только то, кому он не принадлежит. Понятно? Это не мой телефон. Так что позвоните по нему, и вам ответит какой-нибудь Джон такой-то из Атланты или Джейн такая-то из Чарлстона. И вы убедитесь, что это не мой телефон.

Финли посмотрел на меня. Побарабанил пальцами по крышке стола. Ничего не сказал.

– Вы же знаете, как поступить, – продолжал я. – Позвоните по этому номеру, наплетите какую-нибудь чушь о технических неполадках или неоплаченном счете, ошибке компьютера и заставьте того, кто вам ответит, назвать свои имя и адрес. Давайте, Финли, шевелитесь, вы же следователь, черт побери!

Склонившись над столом, он потянулся за бумажкой с номером. Пододвинул ее к себе длинными коричневыми пальцами. Повернул так, чтобы удобнее было читать, и снял трубку. Набрал номер. Нажал клавишу громкой связи. Кабинет наполнился громкими гудками. Пронзительный, настойчивый звук. Он оборвался. Кто-то ответил на звонок.

– Пол Хаббл, – произнес мужской голос. – Чем могу вам помочь?

Южный акцент. Уверенный тон. Этот человек привык разговаривать по телефону.

– Мистер Хаббл? – переспросил Финли, хватая ручку и записывая фамилию. – Добрый день. Вам звонят из телефонной компании,

отделение мобильной связи. Старший инженер смены. К нам поступило сообщение, что ваш номер неисправен.

– Неисправен? – ответил голос. – По-моему, у меня все в порядке. Я ни на что не жаловался.

– С исходящими звонками действительно все в порядке, – продолжал Финли. – Проблемы могут возникнуть с входящими звонками, сэр. Я сейчас подключил к линии измеритель уровня сигнала, сэр, и его показания действительно очень низкие.

– А я вас слышу прекрасно, – сказал голос.

– Алло! – громко произнес Финли. – Вы все время пропадаете, мистер Хаббл. Алло? Вы бы очень мне помогли, сэр, сообщив свое точное местонахождение, – понимаете, чтобы я мог сопоставить его с нашими ретрансляционными станциями.

– Я нахожусь у себя дома, – произнес голос.

– Хорошо. – Финли снова взял ручку. – Вы не могли бы уточнить свой адрес?

– А разве у вас нет моего адреса? – насмешливо поинтересовался голос. – Вы же каждый месяц присылаете мне счет.

Финли посмотрел на меня. Я усмехнулся. Он состроил гримасу.

– Сэр, я работаю в техническом отделе, – сказал Финли. Тоже насмешливым тоном. Два добродушных человека спорят по вопросам техники. – Сведения об абонентах находятся в другом месте. Конечно, я могу их запросить, но на это уйдет время – вы же знаете, как это бывает. Кроме того, сэр, пока определитель уровня сигнала подключен к линии, вам придется непрерывно говорить, чтобы я мог контролировать качество связи. Так что, если у вас нет желания называть свой адрес, вам придется прочитать вслух любимое стихотворение.

Крошечный динамик передал смех человека по фамилии Хаббл.

– Ну хорошо, проверка связи, проверка связи, – произнес голос. – Говорит Пол Хаббл, находящийся у себя дома, то есть в доме номер двадцать пять по Бекман-драйв, повторяю: дом ноль-два-пять, Бекман-драйв, в добром старом Маргрейве, произношу по буквам:

М-А-Р-Г-Р-Е-Й-В, штат Джорджия, Соединенные Штаты Америки. Ну, как уровень моего сигнала?

Финли не отвечал. На его лице отразилось беспокойство.

– Алло! – спросил голос. – Вы меня слышите?

– Да, мистер Хаббл, – сказал Финли. – Я вас слышу. Кажется, никаких проблем с вашим номером нет, сэр. Полагаю, просто ложная тревога. Благодарю вас за помощь.

– Ничего страшного, – ответил человек по фамилии Хаббл. – Если что, звоните еще.

Связь оборвалась, и комната наполнилась короткими гудками. Финли положил трубку на аппарат. Откинулся назад и уставился в потолок. Заговорил сам с собой.

– Проклятье! – буркнул он. – Здесь, у нас в городе. Черт побери, кто такой этот Пол Хаббл?

– Вы его не знаете? – спросил я.

Финли посмотрел на меня. Огорченно. Словно он успел совсем про меня забыть.

– Я здесь всего полгода. Еще не успел со всеми познакомиться.

Подавшись вперед, Финли нажал на кнопку звонка. Пригласил Бейкера.

– Ты что-нибудь можешь сказать о некоем Хаббле? – спросил у него Финли. – Пол Хаббл, живет здесь, в Маргрейве, дом двадцать пять по Бекман-драйв.

– Пол Хаббл? – переспросил Бейкер. – Ну да. Живет там, где ты и сказал, с самого рождения. Человек семейный. Его хорошо знает Стивенсон, они вроде как родственники. Дружат. Вместе ходят в спортивный клуб. Хаббл банкир. Ворочает большими деньгами, работает в Атланте. В каком-то крупном банке. Я время от времени встречаю его в городе.

Финли пристально посмотрел на своего коллегу.

– Это тот, кому принадлежит номер телефона, – сказал он.

– Хаббл? Из Маргрейва? Вот те на!

Финли снова повернулся ко мне.

– Полагаю, сейчас вы скажете, что никогда не слышали о таком человеке? – спросил он.

– Я действительно никогда о нем не слышал, – подтвердил я.

Покачивая головой, Финли повернулся к Бейкеру.

– Отправляйся-ка ты к этому Хабблу и вези его сюда, – сказал он. – Бекман-драйв, дом номер двадцать пять. Бог его знает, какое он имеет ко всему этому отношение, но нам надо с ним поговорить. Ты будь с ним поаккуратнее, быть может, он тут совсем ни при чем.

Снова посмотрев на меня, Финли вышел. Захлопнул за собой массивную дверь. Протянув руку, Бейкер выключил магнитофон. Вывел меня из кабинета. Проводил назад в камеру. Вошел вместе со мной и снял наручники. Повесил их себе на ремень. Вышел из камеры и закрыл дверь. Привел в действие электрический замок. Засовы вошли в гнезда. Он собрался уходить.

– Эй, Бейкер! – окликнул его я.

Он вернулся назад. Посмотрел на меня. Недружелюбно.

– Я хочу есть, – сказал я. – И выпить кофе.

– Вас накормят в тюрьме штата, – ответил он. – Автобус прибывает в шесть вечера.

С этими словами Бейкер ушел. Ему предстояло поехать за каким-то Хабблом. Он обратится к нему очень вежливо. Извинившись, попросит съездить вместе с ним в участок. Финли тоже рассыплется перед ним в извинениях. Пока я буду торчать в клетке, Финли будет учтиво спрашивать Хаббла, почему номер его телефона был обнаружен в ботинке убитого.

Мое пальто по-прежнему лежало скатанным на полу камеры. Я его встряхнул и надел. Мне снова стало холодно. Я засунул руки в карманы. Прислонился к прутьям решетки и попробовал снова начать читать газету, просто чтобы чем-то заняться. Но я не понимал смысла прочитанного. Я думал о том типе, на глазах у которого его напарник убил человека выстрелом в голову. Который затем схватил безжизненное тело и принялся пинать ногами. С таким бешенством, что переломал трупу все кости. Я стоял и думал о том, что, как я

надеялся, осталось у меня позади. О том, о чем я не хотел больше думать. В конце концов я бросил газету на пол и попробовал думать о чем-то другом.

Я обнаружил, что, если прижаться к решетке в переднем углу камеры, мне будет виден весь общий зал. Столик дежурного и то, что было за стеклянными дверями. На улице ярко светило горячее солнце. Похоже, там уже снова стало сухо и пыльно. Ливень ушел куда-то далеко. В здании царила прохлада, горели люминесцентные лампы. Дежурный сержант стучал на компьютере, заполняя базу данных. Мне было видно то, что находилось у него под столом. То, что не предназначалось для взоров посторонних. Аккуратные ячейки с бумагами и жесткими скоросшивателями. Целая секция баллончиков со слезоточивым газом. Ружье. Кнопка объявления общей тревоги. За сержантом сидела женщина в форме, которая брала у меня отпечатки пальцев, и тоже оживленно стучала по клавишам. В просторном помещении было тихо, однако оно вибрировало напряжением идущего полным ходом следствия.

Глава 4

Люди тратят тысячи долларов на высококачественное стереофоническое оборудование – иногда десятки тысяч. В Соединенных Штатах существует целая отрасль промышленности, специализирующаяся на выпуске звуковоспроизводящей аппаратуры таких высоких стандартов, что в это невозможно поверить. Ламповые усилители стоимостью с хороший дом. Колонки выше моего роста. Соединительные шнуры, толстые, как поливочные шланги. В армии кое у кого есть такая аппаратура. Я имел возможность оценить качество ее звучания на военных базах по всему миру. Изумительно. Но на самом деле все эти люди напрасно потратили деньги. Ибо лучшая звуковоспроизводящая аппаратура в мире совершенно ничего не стоит. Она находится у нас в голове. Работает так, как мы того хотим. На нужной громкости.

Я стоял в углу камеры, прокручивая в голове песню Бобби Блэнда. Старый и любимый хит. На полной громкости. «Farther On Up the Road»^[2]. Бобби Блэнд поет ее в соль мажоре. Эта тональность придает песне какую-то солнечную жизнерадостность. Убирает горечь из стихов. Превращает песню в жалобу, пророчество, утешение. В то самое, чем и должен быть настоящий блюз. Спокойный соль мажор навевает сладостный туман. Растворяет злобу.

Но тут я увидел жирного начальника отделения. Моррисон шел мимо камер, отделенных решеткой, направляясь в свой кабинет. Как раз к началу третьего куплета. Я транспонировал песню в ми-бемоль. Мрачную и грозную тональность. Тональность настоящего блюза. Убрал приятный голос Бобби Блэнда. Мне нужно было что-нибудь жестче. Что-нибудь грубее. Музыкальное, но в то же время с пропитым и прокуреным хрипом. Наверное, Уайлд-Чайлд Батлер будет в самый раз. Голос, с которым не будешь шутить. Я добавил

громкость, как раз на том месте, где поется: «Что посеешь, то и пожнешь – дальше по дороге».

Моррисон солгал насчет вчерашнего вечера. Меня не было здесь в полночь. Сначала я был готов поверить в возможную ошибку. Наверное, он видел кого-либо похожего на меня. Такой подход означал признание презумпции невиновности. Сейчас же мне захотелось дать Моррисону правой прямо в морду. Расквасить в лепешку его жирный нос. Я закрыл глаза. Мы с Уайлд-Чайлдом Батлером дали себе слово, что это обязательно произойдет. Дальше по дороге.

Открыв глаза, я выключил звучащую у меня в голове музыку. Прямо передо мной, с той стороны решетки стояла женщина-полицейский, бравшая у меня отпечатки пальцев. Она возвращалась от кофейного автомата.

– Не хотите чашку кофе? – спросила она.

– С удовольствием, – сказал я. – Очень хочу. Без сливок, без сахара.

Поставив свой стаканчик на стол, она вернулась к автомату. Приготовила еще один стаканчик и подошла ко мне. Она была довольно красивая. Лет тридцати, темноволосая, не очень высокая. Но назвать ее средней было бы большой несправедливостью. В ней ощущалась какая-то жизненная сила. Это проявилось в сочувственной быстроте ее движений еще во время нашей первой встречи. Профессиональная суета. Сейчас женщина вела себя совершенно естественно. Вероятно, это объяснялось тем, что она находилась не при исполнении своих обязанностей. Скорее всего, жирный Моррисон не одобрил бы то, что она принесла кофе задержанному. Я проникся к ней симпатией.

Женщина протянула стаканчик между прутьями решетки. Вблизи она показалась мне красивой. От нее хорошо пахло. Я не помнил, обратил ли на это внимание при первой встрече. Кажется, я подумал, что она похожа на медсестру в зубоврачебном кабинете. Если бы все медсестры в зубоврачебных кабинетах выглядели так, я

бы ходил лечить зубы гораздо чаще. Я взял стаканчик. Я был очень признателен женщине. Мне очень хотелось пить, и я люблю кофе. Дайте мне возможность, и я буду пить кофе так, как алкоголик пьет водку. Я сделал глоток. Хороший кофе. Я поднял пластиковый стаканчик в приветственном жесте.

– Спасибо, – сказал я.

– Пожалуйста, – ответила женщина, улыбаясь, в том числе и глазами.

Я улыбнулся в ответ. Ее глаза были долгожданным солнечным лучом в дождливый день.

– Значит, вы полагаете, я здесь ни при чем? – спросил я.

Она взяла со стола свой стаканчик.

– Вы считаете, я бы не принесла кофе виновному?

– Возможно, даже не стали бы с ним разговаривать.

– Я знаю, что на вас нет никакой серьезной вины, – сказала женщина.

– Как вы это определили? – удивился я. – По тому, что у меня глаза не слишком близко посажены?

– Нет, глупый, – рассмеялась женщина. – Просто мы до сих пор ничего не получили из Вашингтона.

Ее смех оказался просто восхитительным. Мне захотелось прочесть бирку с фамилией на кармане ее рубашки. Но я не хотел, чтобы женщина подумала, будто я рассматриваю ее грудь. Я вспомнил, как грудь вжалась в край стола, когда женщина меня фотографировала. Я поднял взгляд. Красивая грудь. Фамилия женщины была Роско. Быстро оглянувшись, она шагнула ближе к решетке. Я сделал еще глоток кофе.

– Я через компьютер отослала отпечатки ваших пальцев в Вашингтон, – сказала Роско. – Это было в двенадцать тридцать шесть. Вы знаете, там главная база данных ФБР? Миллионы отпечатков. Все присланные отпечатки проверяют в соответствии с приоритетом. Сначала сравнивают с отпечатками первого десятка самых опасных преступников, находящихся в розыске, затем первой

сотни, потом первой тысячи и так далее. Понятно? Так что, если бы вы находились где-то в самом верху и имели за плечами нераскрытое тяжкое преступление, мы бы уже давно получили ответ. Проверка осуществляется автоматически. Нельзя дать возможность опасному преступнику скрыться, поэтому система сравнения реагирует немедленно. Но вы находитесь здесь почти три часа, а мы до сих пор ничего не получили. Так что я точно знаю, что ничего серьезного за вами не числится.

Дежурный сержант неодобрительно посмотрел на Роско. Ей было пора уходить. Допив кофе, я протянул стаканчик между прутьями решетки.

– За мной вообще ничего не числится, – сказал я.

– Знаю, – ответила она. – Вы не похожи на преступника.

– Вот как? – удивился я.

– Я это сразу поняла, – улыбнулась Роско. – У вас добрые глаза.

Подмигнув, она ушла. Бросила стаканчики в урну и вернулась к своему компьютеру. Села за стол. Мне был виден только ее затылок. Забравшись в свой угол, я прислонился к жестким прутьям. Вот уже полгода я был одиноким странником. И я кое-что узнал. Подобно Бланш из старого фильма^[3], странник зависит от доброго отношения незнакомых людей. Он не ждет от них ничего материального. Только моральную поддержку. Не отрывая взгляда от затылка Роско, я улыбнулся. Мне понравилась эта женщина.

Бейкер отсутствовал минут двадцать. Достаточно для того, чтобы съездить домой к этому Хабблу и вернуться назад. Я предположил, за двадцать минут можно сходить туда и обратно пешком. Это ведь маленький городок, правда? Точка на карте. Наверное, за двадцать минут можно добраться до любого места и вернуться назад, даже если идти на руках. Хотя с рубежами Маргрейва не все ясно. Все зависит от того, живет ли Хаббл в городе или в пределах какой-то внешней границы. Как показывал мой собственный опыт, можно было находиться в городе, оставаясь в четырнадцати милях от него.

Если те же четырнадцать миль простирались во всех направлениях, тогда Маргрейв размерами почти не уступал Нью-Йорку.

Бейкер сказал, что Хаббл человек семейный. Работает в банке в Атланте. Это означает, особняк где-нибудь неподалеку от города. Чтобы детям было близко до школы и друзей. Чтобы жене было близко до магазинов и клуба. Чтобы ему самому было удобно выезжать на шоссе, ведущее к автостраде. И наверняка удобная дорога от автострады до конторы в Атланте. Судя по адресу, Хаббл проживал в городе. Дом номер двадцать пять по Бекман-драйв. Довольно далеко от главной улицы. Вероятно, Бекман-драйв ведет из центра города к окраине. Хаббл ворочает большими деньгами. Скорее всего, он богат. Скорее всего, у него огромный белый особняк на большом участке земли. Тенистая рощица. Возможно, бассейн. Скажем, четыре акра. Квадрат площадью четыре акра имеет сторону длиной около ста сорока ярдов. Если учесть, что четные и нечетные дома стоят на разных сторонах улицы, номер двадцать пять от центра тринадцатый. То есть до него примерно миля.

За большими стеклянными дверями солнце клонилось к вечеру. Его сияние приняло красноватый оттенок. Тени стали длиннее. Я увидел, как патрульная машина Бейкера, свернув с шоссе, подкатила к подъезду, без включенной мигалки. Сделав неторопливый полукруг, машина остановилась и качнулась на рессорах. Заняв всей своей длиной стеклянные двери, Бейкер вышел из передней двери и скрылся из виду, обходя машину. Появился снова, подходя к ней с противоположной стороны. Открыл дверь, словно наемный шофер. Противоречивый язык жестов показывал смешение его чувств. Немного почтительного уважения, потому что перед ним был банкир из Атланты. Немного дружелюбия, потому что это был партнер по кегельбану его напарника. Немного официальности, потому что это был человек, чей номер телефона был спрятан в ботинке трупа.

Из машины вышел Пол Хаббл. Бейкер закрыл дверь. Хаббл ждал. Бейкер обошел его и открыл большую стеклянную дверь. Она мягко

присосалась к резиновой подушке. Хаббл вошел в участок.

Это был белый мужчина высокого роста, словно со страницы иллюстрированного журнала. Страницы с рекламой. Ненавязчиво показывающей, что могут деньги. Хабблу было лет тридцать с небольшим. Ухоженный, но физически не сильный. Песочного цвета волосы, взъерошенные, начавшие отступать назад и открывшие умный лоб. Как раз достаточно для того, чтобы заявить: «Да, еще недавно я учился в школе, но теперь я взрослый мужчина». У него были круглые очки в золотой оправе. Квадратный подбородок чуть выступал вперед. Благопристойный загар. Очень белые зубы. И их очень много, что показала улыбка, которой Хаббл одарил дежурного сержанта.

На нем была выцветшая футболка с небольшим значком и линялые джинсы. Такие вещи выглядят старыми уже тогда, когда их покупают за пятьсот долларов. За плечами висел толстый белый свитер. Рукава были небрежно завязаны на груди. Во что он обут, я не увидел, мне мешал стол дежурного. Но я был уверен, что на нем коричневые мокасины. И я поспорил сам с собой на приличную сумму, что они надеты без носков. Этот человек, как свинья в грязи, купался в сознании того, что у него в жизни есть все.

Но Хаббл был чем-то взволнован. Он оперся ладонями на стол дежурного, но тут же выпрямился и уронил руки по швам. Я увидел желтоватую кожу и сверкнувшие часы на массивном золотом браслете. Хаббл очень старался вести себя с дружелюбной снисходительностью. Как наш президент, посетивший в ходе предвыборной кампании какой-то завод. Но он был рассеян. Вел себя натянуто. Я не знал, что сказал ему Бейкер. Как много он ему раскрыл. Возможно, ничего. Хороший сержант вроде Бейкера предоставит взорвать бомбу Финли. Так что Хаббл не знал, зачем его пригласили в участок. Но что-то он знал. Я, так или иначе, прослужил в полиции тринадцать лет и за милю чуял тревогу. Хаббл был чем-то встревожен.

Я стоял неподвижно, прижимаясь к решетке. Бейкер жестом пригласил Хаббла пройти вместе с ним в противоположный угол дежурного помещения. В кабинет, отделанный красным деревом. Когда Хаббл огибал стол дежурного, я увидел его ноги. Коричневые водонепроницаемые мокасины для прогулок на яхте. Носков не было. Хаббл и Бейкер скрылись в кабинете. За ними закрылась дверь. Встав из-за стола, дежурный сержант вышел на улицу, чтобы отогнать машину Бейкера.

Он вернулся вместе с Финли. Старший следователь направился прямо в кабинет, отделанный красным деревом, где его ждал Хаббл. Проходя через дежурное помещение, он даже не посмотрел в мою сторону. Открыв дверь, он вошел в кабинет. Я стоял в углу и ждал, когда появится Бейкер. Он не мог оставаться там. Никак не мог, когда партнер по кегельбану его напарника попал в радиус расследования дела об убийстве. Этого не позволяли правила этики. Финли произвел на меня впечатление человека, придающего большое значение этике. Человек в твидовом костюме, молескиновом жилете и с дипломом Гарварда должен придавать большое значение этике. Дверь открылась, и появился Бейкер. Вернувшись в дежурное помещение, он направился к своему столу.

– Эй, Бейкер, – окликнул я.

Изменив свой курс, он подошел к камерам. Остановился перед решеткой. Там, где стояла Роско.

– Мне нужно в туалет, – сказал я. – Или для этого мне тоже придется ждать, когда меня отвезут в большой дом?

Бейкер улыбнулся. Скрепя сердце, но улыбнулся, сверкнув золотым зубом, придавшим ему распутный вид. Чуть более человечный, Бейкер крикнул что-то дежурному. Вероятно, кодовое название предстоящей процедуры. Достал ключи и открыл электрический замок. Защелки убрались. У меня мелькнула мысль, как станет работать это устройство, если в участке отключат электричество. Можно ли будет в этом случае отпереть замок? Мне

очень хотелось на это надеяться. Вероятно, в здешних краях часто бывают грозы, сносящие линии электропередач.

Бейкер толкнул массивную дверь внутрь. Мы прошли через дежурное помещение. В противоположную сторону от кабинета, отделанного красным деревом. Там был маленький коридор. В глубине коридора два туалета. Шагнув вперед, Бейкер толкнул дверь в мужской туалет.

Полицейские знали, что я не тот, кого они ищут. Они не предпринимали никаких мер предосторожности. Абсолютно никаких. Здесь, в коридоре, я мог бы сбить Бейкера с ног и отобрать у него револьвер. Без труда. Я мог бы выхватить оружие у него из кобуры еще до того, как он упал бы на пол. Я мог бы с боем проложить себе дорогу из участка к полицейской машине. Несколько бело-черных крейсеров стояли в ряд перед подъездом. Ключи в замках, можно не сомневаться. Я мог бы добраться до Атланты до того, как здешние полицейские успели бы опомниться. А там я просто исчез бы. Без труда. Но я спокойно прошел в туалет.

– Не запирайтесь, – сказал Бейкер.

Я не стал запираяться. Меня недооценивали по-крупному. Я сказал, что служил в военной полиции. Быть может, мне поверили, быть может, нет. Быть может, даже если и поверили, это не произвело никакого впечатления. А напрасно. Военный полицейский имеет дело с нарушившими закон военнослужащими. С солдатами, прекрасно владеющими оружием и навыками рукопашного боя. С десантниками, морскими пехотинцами, «зелеными беретами». Не просто с убийцами. С хорошо обученными убийцами. Очень хорошо обученными на солидные средства налогоплательщиков. Так что военный полицейский должен быть обучен еще лучше. Лучше владеть оружием. Лучше действовать голыми руками. По-видимому, Бейкер не имел об этом понятия. Не подумал об этом. В противном случае всю дорогу до туалета он держал бы меня под прицелом двух ружей. Если бы считал, что я тот, кто им нужен.

Застегнув ширинку, я вышел в коридор. Бейкер ждал меня за дверью. Мы вернулись к месту предварительного содержания. Я зашел в свою камеру. Прислонился к решетке в углу. Бейкер закрыл тяжелую дверь. Включил электрический замок. Щеколды выдвинулись. Бейкер вернулся в дежурное помещение.

В течение следующих двадцати минут стояла тишина. Бейкер работал за компьютером. Как и Роско. Сержант молча сидел за столом. Финли находился в кабинете вместе с Хабблом. Над входной дверью висели современные часы. Не такие изящные, как антиквариат в кабинете, но тикающие так же медленно. Тишина. Четыре часа тридцать минут. Я стоял, прислонившись к титановым прутьям, и ждал. Тишина. Без четверти пять.

Новый отсчет времени начался как раз перед тем, как стукнуло пять. Из просторного кабинета в глубине, отделанного красным деревом, донесся шум. Громкие крики, грохот. Кто-то изрядно разошелся. На столе Бейкера зазвонил зуммер, затрещало устройство внутренней связи. Голос Финли. Встревоженный. Просящий Бейкера зайти в кабинет. Бейкер встал и направился к двери. Постучал и вошел.

Большие стеклянные двери у входа втянулись, и появился жирный мужчина. Начальник участка Моррисон. Он направился прямо в кабинет. Столкнулся в дверях с выходящим оттуда Бейкером. Бейкер поспешил к столику дежурного и что-то возбужденно прошептал сержанту. К ним присоединилась Роско. Все трое оживленно заговорили, обсуждая что-то серьезное. Что именно, я не слышал. Слишком далеко.

Переговорное устройство на столе Бейкера затрещало опять. Бейкер направился обратно в кабинет. Стеклянные двери снова раскрылись. Яркое сверкало клонящееся к горизонту солнце. В участок зашел Стивенсон. Я впервые видел его после своего ареста. Похоже, пучина возбуждения засасывала все новых людей.

Стивенсон обратился к дежурному сержанту. Полученный ответ его заметно взволновал. Сержант положил Стивенсону руку на

плечо. Стряхнув его руку, Стивенсон бросился в кабинет, отделанный красным деревом, уворачиваясь от столов, словно опытный футболист. Когда он подбегал к двери, она открылась. Из кабинета вышла целая толпа: Моррисон, Финли и Бейкер, держащий Хаббла под локоть. Внешне небрежно, но на самом деле очень эффективно, так же как он держал меня. Ошалело посмотрев на Хаббла, Стивенсон схватил Финли за руку. Потащил его назад в кабинет. Развернув свою вспотевшую тушу, Моррисон последовал за ними. Хлопнула закрывшаяся дверь. Бейкер провел Хаббла ко мне.

Теперь Хаббл выглядел совсем другим человеком. Его лицо посерело и покрылось потом. Загар исчез. Он стал ниже ростом. Казалось, из него вышел весь воздух. Он сгорбился, как человек, терзаемый болью. Глаза, скрытые очками в золотой оправе, стали пустыми, испуганными. Хаббла колотила мелкая дрожь. Бейкер отпер соседнюю камеру. Хаббл не тронулся с места. Его начало трясти. Поймав за руку, Бейкер затащил его в камеру. Закрыл дверь и включил замок. Электрические щеколды выдвинулись в пазы. Бейкер вернулся в кабинет, отделанный красным деревом.

Хаббл продолжал стоять там, где его оставил Бейкер, тупо уставившись в пустоту. Затем он медленно попятился, пока не уперся в дальнюю стену камеры. Прижавшись к ней спиной, он бессильно опустился на пол. Уронил голову на колени. До меня донесся стук его пальцев, дрожащих на жестком нейлоновом ковролине. Оторвавшись от компьютера, Роско посмотрела на Хаббла. Дежурный сержант также посмотрел на него. У них на глазах человек рассыпался на части.

Я услышал громкие голоса, донесшиеся из кабинета. Спорящий тенор. Шлепок ладони по столу. Дверь открылась, и появились Стивенсон и Моррисон. Стивенсон был вне себя. Он прошел в дежурное помещение. Его шея напряженно застыла от бешенства. Взгляд не отрывался от входных дверей. Казалось, Стивенсон не замечал своего жирного начальника. Он прошел мимо стола дежурного и выскочил на улицу. Моррисон вышел следом за ним.

Выйдя из кабинета, Бейкер подошел к моей камере. Не сказал ни слова. Просто отпер дверь и жестом пригласил меня выйти. Я крепче укутался в пальто, оставив газету с большими фотографиями президента, посещающего Пенсаколу, на полу камеры. Вышел и направился следом за Бейкером в кабинет.

Финли сидел за столом. Диктофон был на месте, с подключенным микрофоном. Воздух спертый, но прохладный. Финли, похоже, был чем-то смущен. Он ослабил галстук. С печальным свистом выпустил воздух из легких. Я сел на стул, и Финли махнул рукой, прося Бейкера оставить нас одних. Дверь тихо закрылась.

– У нас возникли кое-какие проблемы, мистер Ричер, – сказал Финли. – Весьма серьезные проблемы.

Он погрузился в рассеянное молчание. У меня оставалось меньше получаса до прибытия тюремного автобуса. Я хотел, чтобы какое-то решение было принято как можно скорее. Взяв себя в руки, Финли посмотрел на меня. Начал говорить, быстро, отчего чуть пострадало его изящное гарвардское произношение.

– Мы привезли сюда этого Хаббла, – сказал Финли. – Наверное, вы его видели. Банкир из Атланты? Одежда от Кельвина Кляйна стоимостью тысячу долларов. Золотые часы «ролекс». Он был на взводе. Сначала я подумал, Хаббл просто раздражен тем, что мы вытащили его из дома. Как только я начал говорить, он узнал мой голос. По звонку на его сотовый телефон. Сразу же обвиняет меня в обмане. Говорит, что я не должен был выдавать себя за сотрудника телефонной компании. Разумеется, он прав.

Он снова погрузился в молчание. Повел борьбу с этическими проблемами.

– Ну же, Финли, не тяните, – сказал я.

У меня оставалось меньше получаса.

– Хорошо, итак, Хаббл недоволен и раздражен, – продолжал Финли. – Я спрашиваю, знает ли он вас – Джека Ричера, бывшего военного. Он говорит, что не знает. Никогда о вас не слышал. Я ему верю. Хаббл начинает расслабляться, решив, что все дело в каком-то

типе по имени Джек Ричер. Он и не слышал ни о каком Джеке Ричере, так что он тут ни при чем. Совершенно чист, верно?

– Продолжайте, – сказал я.

– Тогда я спрашиваю, знает ли он высокого мужчину, обритого наголо, – сказал Финли. – И насчет «pluribus». И тут – о боже! Как будто я засунул ему в задницу кочергу. Хаббл весь напрягся, словно с ним случился приступ. Очень напрягся. Ничего не стал отвечать. Тогда я ему говорю, что мы уже знаем про смерть высокого бритого типа. Знаем, что его застрелили. Что ж, это как вторая кочерга у него в заднице. Хаббл только что не свалился со стула.

– Продолжайте, – снова сказал я.

Двадцать пять минут до прибытия тюремного автобуса.

– Он начал дрожать так, что я испугался, как бы он не рассыпался, – сказал Финли. – Тогда я ему говорю, что нам известно о номере телефона в ботинке. Номере его телефона, напечатанном на листе бумаги под словом «pluribus». Это уже третья кочерга, все в том же месте.

Финли снова умолк. Поочередно похлопал по карманам.

– Хаббл молчит, – продолжал он. – Не произносит ни слова. Оцепенел от шока. Лицо серое. Я испугался, что у него сердечный приступ. Он сидел и беззвучно открывал и закрывал рот, как рыба. Но ничего не говорил. Тогда я ему сказал о том, что труп был избит. Я спросил, кто его сообщники. Сказал о том, что труп был спрятан под картоном. Хаббл по-прежнему ничего не говорит, черт побери. Просто ошалело оглядывается по сторонам. Наконец я понял, что он лихорадочно думает. Пытается определить, что мне ответить. Минут сорок Хаббл молчал, думал как одержимый. Магнитофон все это время работал. Записал сорок минут тишины.

Финли снова умолк. На этот раз для того, чтобы усилить эффект. Посмотрел на меня.

– Наконец Хаббл во всем сознался, – сказал Финли. – «Это сделал я, – сказал он. – Я его застрелил». Он ведь сознался, да? И это записано на кассете.

– Продолжайте, – сказал я.

– Я его спрашиваю, не нужен ли ему адвокат, – сказал Финли. – Он отвечает: не нужен – и продолжает твердить, что это он убил того типа. Так что я читаю ему правило Миранды, громко и отчетливо, чтобы это было на кассете. Потом мне приходит мысль, а может быть, этот Хаббл сумасшедший или еще что, понимаете? Я его спрашиваю, кого он убил. Он говорит, высокого мужчину с бритой головой. Я спрашиваю как. Он говорит, выстрелом в голову. Я спрашиваю когда. Он говорит, вчера ночью, около полуночи. Я спрашиваю, кто пинал труп ногами, кто убитый и что означает «pluribus». Хаббл молчит. Снова коченеет от страха. Не говорит ни слова. Я ему говорю, что сомневаюсь в том, что он имеет какое-либо отношение к убийству. Он вскакивает с места и набрасывается на меня с криками: «Я сознаюсь, сознаюсь, это я его убил, я!» Я сажаю его на место. Он затихает.

Финли откинулся назад. Сплел руки за головой. Вопросительно посмотрел на меня. Хаббл убийца? Я в это не верил. Потому что он был возбужден. Вот те, кто убивает кого-то из старого пистолета во время борьбы или в порыве гнева, случайным выстрелом в грудь, – те потом бывают возбуждены. Но тот, кто хладнокровно всадил две пули в голову из пистолета с глушителем, а затем собрал гильзы, принадлежит к совершенно иному типу людей. Их впоследствии не терзают угрызения совести. Они просто уходят и начисто забывают о случившемся. Хаббл не был убийцей. Об этом говорило то, как он плясал перед столом дежурного. Но я лишь улыбнулся и пожал плечами.

– Отлично, – сказал я. – Теперь вы можете меня отпустить, верно?

Посмотрев на меня, Финли покачал головой.

– Неверно, – сказал он. – Я не верю Хабблу. В деле замешаны трое. Вы сами меня в этом убедили. Кем из них может быть Хаббл? Не представляю себе его обезумевшим маньяком. На мой взгляд, у него нет для этого достаточно силы. Не представляю себе его

мальчиком на побегушках. И определенно он не убийца. Такой человек не сможет хладнокровно сделать контрольный выстрел.

Я кивнул. Как будто мы с Финли были напарники, обсуждавшие запутанное дело.

– Пока что я собираюсь посадить его в кутузку, – продолжал Финли. – У меня нет выбора. Хаббл сознался, упомянул пару правдоподобных деталей. Но обвинение против него развалится.

Я снова кивнул. Чувствуя, что это еще не все.

– Продолжайте, – сказал я, смирившись.

Финли невозмутимо посмотрел на меня.

– Вчера в полночь Хаббла там даже не было, – сказал он. – Он был на годовщине свадьбы у одной пожилой четы. Праздник в узком семейном кругу. Недалеко от его дома. Хаббл появился в гостях около восьми вечера. Пришел пешком вместе со своей женой. Ушел только в два часа ночи. Двадцать человек видели, как он пришел, двадцать человек видели, как он уходил. Обрато его подвез брат невестки. Ему пришлось ехать на машине, поскольку к этому времени уже начался дождь.

– Продолжайте, Финли, – сказал я. – Говорите все до конца.

– Кто этот брат его невестки? – сказал Финли. – Который отвез его домой, под дождем, в два часа ночи? Офицер полиции Стивенсон!

Глава 5

Финли откинулся на спинку кресла. Заложил длинные руки за голову. Высокий, элегантный мужчина, учившийся в Бостоне. Культурный. Опытный. И он отправлял меня в тюрьму за то, что я не совершал. Финли выпрямился. Вытянул руки на стол, ладонями вверх.

– Я сожалею, Ричер, – сказал он.

– Сожалеете? – воскликнул я. – Вы отправляете в тюрьму двоих невиновных и говорите, что сожалеете об этом?

Он пожал плечами. Похоже, ему было не по себе.

– Так пожелал Моррисон, – сказал он. – По его мнению, дело закрыто. Нас он отпускает на выходные. А он здесь начальник.

– По-моему, вы шутите, – сказал я. – Моррисон осел. Он назвал лжецом Стивенсона, своего же сотрудника.

– Не совсем, – снова пожал плечами Финли. – Он говорит, быть может, это какой-то заговор – понимаете, возможно, самого Хаббла действительно не было на месте преступления, но он нанял вас. Заговор, верно? Моррисон считает, Хаббл взял на себя всю вину, потому что боится вас, боится показать на вас пальцем. Моррисон полагает, вы шли домой к Хабблу, чтобы получить причитающиеся деньги, но мы вас задержали. По его мнению, именно поэтому вы ждали до восьми часов. И именно поэтому Хаббл сегодня остался дома. Не поехал на работу, так как ждал вас, чтобы с вами расплатиться.

Я молчал. Мое беспокойство росло. Этот Моррисон становился опасным. Его версия звучит правдоподобно. И это продлится до тех пор, пока Финли не проверит мои слова. Если он их вообще проверит.

– Так что, Ричер, я сожалею, – повторил Финли. – Вы с Хабблом просидите за решеткой до понедельника. Придется вам потерпеть. В Уорбертоне. Местечко плохое, но камеры для подсудимых

ничего. Хуже тем, кто отбывает там срок. Гораздо хуже. Ну а я тем временем буду трудиться. Попрошу Роско поработать со мной в субботу и воскресенье. Это та красавица, что брала у вас отпечатки. Дело она знает; наверное, у нас она лучшая. Если то, что вы сказали, правда, в понедельник вас отпустят на все четыре стороны. Хорошо?

Я смотрел на него, чувствуя, как начинаю закипать от ярости.

– Нет, Финли, плохо. Вы знаете, что я ни в чем не виноват. Знаете, что я не имею к этому никакого отношения. Вы просто наложили в штаны от страха, испугавшись вашего никчемного жирного болвана Моррисона. И вот я отправляюсь в тюрьму только потому, что вы жалкий трус, мать вашу!

Мои слова задели Финли. Его темное лицо потемнело еще больше. Он долго молчал. Я учащенно дышал, испепеляя его взором. По мере того как остывала моя злость, мой испепеляющий взор превращался в обыкновенный взгляд. Я постепенно брал себя в руки. Настал черед Финли сверкнуть глазами.

– Я хочу сказать вам две вещи, Ричер, – наконец произнес он. Безупречная артикуляция. – Во-первых, если понадобится, в понедельник я разберусь с Моррисоном. Во-вторых, я не трус. Вы ничего обо мне не знаете. Ровным счетом ничего.

Я спокойно выдержал его взгляд. Шесть часов. Автобус уже пришел.

– Я знаю о вас больше, чем вы думаете, – сказал я. – Мне известно, что вы учились в аспирантуре Гарвардского университета, что вы разведены и бросили курить в апреле.

Лицо Финли оставалось безучастным. Постучав, в кабинет вошел Бейкер, сказавший, что приехал тюремный автобус. Встав, Финли обошел стол. Сказал Бейкеру, что сам приведет меня. Бейкер отправился за Хабблом.

– Откуда вам это известно? – спросил Финли.

В нем проснулось любопытство. Он проигрывал.

– Все просто, – сказал я. – Вы умный парень. Учились в Бостоне, вы сами сказали. Но во времена вашей молодости Гарвард не брал

чернокожих. Вы умный парень, но все же вы не ученый, создающий ракеты, так что я предположил, что вы сначала закончили Бостонский университет, правильно?

– Правильно, – подтвердил Финли.

– А в Гарварде вы учились в аспирантуре, – продолжал я. – В Бостонском университете вы проявили себя неплохо, времена изменились, и вас приняли в Гарвард. Вы говорите как выпускник Гарварда. Я предположил это в самом начале нашего знакомства. Докторская диссертация по криминологии?

– Правильно, – снова подтвердил Финли. – По криминологии.

– Далее, на это место вы устроились в апреле, – сказал я. – Это вы сами мне сказали. Отработав двадцать лет в полиции Бостона, вы вышли на пенсию. Так что сюда вы приехали, имея кое-какие свободные деньги. Но вы приехали без женщины, потому что женщина заставила бы вас потратить хоть что-то на новую одежду. Можно не сомневаться, она ни дня бы не потерпела этот зимний твидовый костюм, что сейчас на вас. Она вышвырнула бы его на помойку и купила бы вам что-нибудь новое, чтобы начать новую жизнь на новом месте. Но вы по-прежнему носите этот ужасный старый костюм, значит женщины нет. Она или умерла, или развелась с вами, так что шансы пятьдесят на пятьдесят. Похоже, я угадал.

Финли молча кивнул.

– Ну а насчет курения все совсем просто, – сказал я. – В минуту стресса вы похлопали себя по карманам, ища сигареты. Это означает, что вы бросили курить относительно недавно. Легко догадаться, это произошло в апреле – новая жизнь, новая работа, нет сигаретам. Вы решили бросить курить, чтобы не бояться рака.

Финли одобрительно посмотрел на меня. Помимо воли.

– Очень неплохо, Ричер, – сказал он. – Элементарная дедукция?

Я пожал плечами. Ничего не ответил.

– Тогда давайте определите с помощью своей дедукции, кто пришел того человека на складе.

– Мне нет никакого дела до того, кто, где и кого пришел, – сказал я. – Это ваша проблема. К тому же, Финли, вы задали не тот вопрос, что нужно. Первым делом надо выяснить, кто убитый, правильно?

– Похоже, у вас есть мысль, как это сделать, да, умник? – спросил Финли. – Документов нет, от лица ничего не осталось, отпечатки пальцев в картотеке не значатся, Хаббл молчит как рыба.

– Проверьте отпечатки еще раз, – сказал я. – Я говорю серьезно, Финли. Попросите Роско заняться этим.

– Почему? – удивился он.

– Здесь что-то не так.

– Что не так?

– Проверьте отпечатки еще раз, хорошо? – повторил я. – Сделаете?

Финли проворчал что-то нечленораздельное. Не сказал ни да ни нет.

Открыв дверь кабинета, я вышел. Роско уже не было. Вообще в участке не осталось никого, кроме Бейкера и Хаббла в глубине у камер. На улице за стеклянными дверями я увидел дежурного сержанта. Он расписывался в блокноте, который держал водитель тюремного автобуса. Сам автобус стоял у них за спиной. Он стоял на изгибающейся полукругом дорожке, загородив собой весь вид через стеклянные двери. Обычный школьный автобус, но выкрашенный в серый цвет. На борту надпись: «Управление исправительных учреждений штата Джорджия». Надпись проходила по всей длине автобуса под окнами. Под надписью герб штата. Окна зарешечены.

Финли вышел вслед за мной из кабинета. Взяв меня за локоть, подвел к Бейкеру. У Бейкера на большом пальце висели три пары наручников, когда-то выкрашенных ярко-оранжевой краской, давно облупившейся. Из-под краски проглядывала матовая сталь. Бейкер защелкнул у меня на запястьях наручники и один браслет от вторых наручников, отпер камеру Хаббла и подал ему знак выходить. Перепуганный банкир был в оцепенении, но все же подчинился. Поймав наручник, болтающийся на моей левой руке, Бейкер

защелкнул второй браслет на правом запястье Хаббла. Затем надел третью пару наручников ему на второе запястье. Теперь мы были готовы идти.

– Бейкер, возьмите у него часы, – сказал я. – В тюрьме он их потеряет.

Бейкер кивнул. Он понял, что я имел в виду. Такой человек, как Хаббл, может многое потерять в тюрьме. Бейкер расстегнул на руке Хаббла массивные часы «ролекс». Браслет не пролезал через наручники, поэтому Бейкеру пришлось снять их и надеть снова. Водитель тюремного автобуса открыл входную дверь и нетерпеливо взглянул на нас. У этого человека строгое расписание. Бейкер положил часы Хаббла на ближайший стол. На то самое место, куда моя подруга Роско ставила свой стаканчик с кофе.

– Ладно, ребята, давайте трогаться, – сказал Бейкер.

Он проводил нас до дверей. Мы вышли на улицу, и нас встретила стена горячего влажного воздуха. Мы направились к автобусу, скованные наручниками. Идти было неудобно. На половине дороги Хаббл остановился. Выгибая шею, огляделся вокруг. Он вел себя более осторожно, чем Бейкер или водитель автобуса. Быть может, боялся, что его увидят соседи. Но поблизости не было ни души. Мы находились в трехстах ярдах к северу от города. Вдалеке виднелась церковь. Клонящееся к горизонту солнце ласково щекотало мне правую щеку.

Водитель толкнул дверь автобуса внутрь. Хаббл неловко, боком вскарабкался по лестнице. Я поднялся следом. Неуклюже повернулся в проходе. В автобусе никого не было. Водитель провел Хаббла к его месту. Банкир опустился на пластмассовое сиденье у окна, увлекая меня за собой. Водитель, встав на колени на сиденье перед нами, защелкнул свободные браслеты наших наручников на хромированном поручне, проходящем поперек салона. Затем по очереди подергал все три пары наручников, убеждаясь, что они надежно застегнуты. Я его в этом не винил. Мне самому приходилось

заниматься тем же самым. Нет ничего хуже вести машину, имея за спиной заключенных, за которыми никто не присматривает.

Водитель прошел на свое место. Завел двигатель, громко тарахтящий дизель. Автобус наполнился вибрацией. Воздух внутри был горячим и душным. О кондиционере можно было только мечтать. Окна не открывались. В салоне запахло выхлопными газами. С лязгом переключилась коробка передач, и автобус тронулся с места. Я выглянул в окно. Никто не махал нам рукой на прощание.

Выехав со стоянки перед полицейским участком, мы повернули на север от города, в сторону автострады. Через полмили мы проехали мимо ресторана Ино. Стоянка перед ним была пуста. Желающих рано поужинать не было. Некоторое время мы ехали на север. Затем свернули с шоссе налево и поехали по дороге, идущей между полей. Автобус гроыхал и скрипел. Мимо мелькали бесконечные ряды кустов и бесконечные полосы краснозема между ними. Впереди клонилось к горизонту солнце. Оно превратилось в огромный красный диск, спускающийся на поля. Водитель опустил солнцезащитный козырек. С внутренней стороны на нем была инструкция производителя, объясняющая, как управлять автобусом.

Хаббл трясся и подпрыгивал рядом со мной. Он не произнес ни слова. Всю дорогу он сидел, уронив голову. Его левая рука оставалась поднятой из-за наручника, пристегнутого к хромированной перекладине перед нами. Правая рука безвольно болталась. На нем по-прежнему был дорогой свитер, накинутый на плечи. На запястье, там, где был «ролекс», белела полоска более светлой кожи. Жизненные силы почти полностью покинули его. Он был в объятиях парализующего страха.

Почти целый час мы прыгали и тряслись по неровной дороге. Справа промелькнула небольшая роща. Затем вдалеке показался обширный комплекс. Он одиноко стоял, занимая тысячу акров ровных сельскохозяйственных угодий. На фоне низко нависшего над горизонтом красного солнца комплекс казался порождением

преисподней. Какая-то мрачная сила выдавила его из-под земли. Состоявший из нескольких строений, он чем-то напоминал химический завод или атомную электростанцию. Массивные железобетонные бункеры и сверкающие металлические переходы. Повсюду проходящие над землей трубопроводы с поднимающимися к небу тут и там струйками пара. Комплекс окружен наружным забором, через равные промежутки прорезанным сторожевыми вышками. Когда мы подъехали ближе, я разглядел фонарные столбы и колючую проволоку. На вышках прожекторы и автоматические винтовки. Несколько уровней ограды, разделенных полосами вспаханного краснозема. Хаббл не поднимал взгляда. Я его не трогал. В конце концов, мы подъезжали не к сказочному царству.

При приближении к комплексу автобус сбавил скорость. Наружная ограда, отстоящая на сто ярдов от строений, представляла собой внушительное препятствие. Футов пятнадцать в высоту, по всему периметру сдвоенные натриевые прожекторы. Один прожектор из каждой пары направлен внутрь на сто ярдов вспаханной земли. Один направлен наружу, на окрестные поля. Все прожектора горели. Комплекс был залит ослепительным желтым светом. Вблизи свет резал глаза. Красная земля приобретала в желтоватом сиянии лихорадочный багрянец.

Автобус с грохотом остановился. От работающего на холостых оборотах двигателя по всему корпусу расходилась вибрация. Та незначительная вентиляция, что была во время движения, закончилась. Внутри стало душно. Хаббл наконец поднял голову и огляделся вокруг сквозь очки в золотой оправе. Посмотрел в окно. Застонал. В его стоне прозвучало безнадежное отвращение. Хаббл снова уронил голову.

Водитель дождался сигнала от охраны у первых ворот. Охранник произнес что-то в рацию. Водитель включил передачу и нажал на газ. Охранник махнул рацией как регулировочным жезлом, разрешая трогаться. Автобус въехал в клетку. Низко над воротами висела надпись: «Исправительная тюрьма Уорбертон, Управление

исправительных учреждений штата Джорджия». За нами захлопнулись ворота. Мы оказались со всех сторон окружены колючей проволокой. Сверху тоже сетка. В противоположном конце клетки распахнулись ворота. Автобус двинулся дальше.

Мы проехали сто ярдов до следующей ограды. Там находилась другая клетка для машин. Автобус въехал в нее, постоял, тронулся дальше. Наконец мы очутились во внутреннем дворе тюрьмы. Автобус остановился перед бетонным бункером. Приемное отделение. Шум работающего двигателя отражался от бетонных поверхностей. Водитель заглушил двигатель, вибрация и грохот прекратились, сменившись полной тишиной. Встав со своего места, водитель, пригибаясь, направился по проходу, подтягиваясь за спинки сидений. Достав ключи, он отстегнул нас от железного поручня.

– Приехали, ребята, – ухмыльнулся водитель. – Пошли, вас ждет веселая вечеринка.

Мы неловко встали с сидений и боком пошли по проходу. Хаббл тянул меня за левую руку. Водитель поставил нас перед дверью. Снял все три пары наручников и бросил их в коробку в кабине. Нажал на рычаги, открыл дверь. Мы вышли из автобуса. В бункере напротив открылась дверь. Появился охранник. Окликнул нас, подзывая к себе. Он жевал пончик и говорил с набитым ртом. Усы у него были покрыты похожей на иней сахарной пудрой. Совершенно несерьезный тип. Войдя в дверь, мы оказались в тесной комнате. В ней было очень грязно. Вокруг крашеного деревянного стола стояли стулья. Еще один охранник сидел за столом, листая потрепанную папку.

– Присаживайтесь, – сказал он.

Мы сели. Он встал. Его напарник, дожевывая пончик, запер наружную дверь и присоединился к нам.

– Слушайте внимательно, – сказал охранник с папкой. – Вы Ричер и Хаббл. Привезены из Маргрейва. Не осуждены ни за какое преступление. Предварительное задержание на время следствия.

Под залог вас не выпустят. Вы слышали, что я сказал? Вас еще не осудили. Это очень важно. Избавляет вас от многого из здешнего дерьма, понятно? Ни арестантской формы, ни перекличек, ничего такого, понятно? Уютные апартаменты на верхнем этаже.

– Точно, – подтвердил охранник с обсахаренными усами. – Вот если бы вы были осуждены, мы бы вас хорошенько взгрели, одели в форму и запихнули на этаж к осужденным, а сами устроились бы поудобнее и стали наблюдать за тем, что с вами будет, верно?

– Верно, – сказал его напарник. – В общем, мы хотели сказать вам следующее. Мы не собираемся портить вам кровь, так что и вы, ребята, тоже не портите нам кровь, договорились? В нашей чертовой тюрьме нехватка персонала. Губернатор разогнал половину народа, понятно? Чтобы не выходить из бюджета, необходимо сокращать лишние расходы, верно? А нам приходится в каждую смену нести дежурство половинным составом. Поэтому я хочу сказать вам вот что. Мы вас сюда сажаем и больше не видим до тех пор, пока в понедельник утром вас отсюда не заберут. Никаких скандалов! У нас нет людей, чтобы улаживать скандалы. У нас нет людей для того, чтобы наводить порядок на этажах, где содержатся осужденные, а уж про подследственных я и не говорю, понятно? Вот ты, Хаббл, ты все понял?

Подняв голову, Хаббл молча кивнул.

– Ричер? – спросил охранник с папкой. – Ты все понял?

– Да, – ответил я.

Я все понял. В тюрьме не хватает персонала. Губернатор борется с дефицитом бюджета. А товарищи этих охранников отправились на биржу труда. Не надо рассказывать мне сказки.

– Вот и хорошо, – продолжал охранник. – Так что давайте договоримся: наша смена заканчивается в семь часов. То есть через одну минуту. Мы не станем задерживаться ради вас. Во-первых, мы сами не хотим, а потом нам все равно не разрешил бы наш профсоюз. Так что вас покормят, после чего запрут здесь до тех пор, пока не прибудет новая смена, которая отведет вас наверх. Смена

придет, когда совсем стемнеет, часов в десять, понятно? Только охрана все равно не перемещает заключенных в темное время суток. Профсоюз не разрешает. Так что за вами придет сам Спиви. Помощник надзирателя. Сегодня ночью он старший. Часов в десять, договорились? Если вам не нравится, жалуйтесь не мне, жалуйтесь губернатору, понятно?

Пожиратель пончиков скрылся в коридоре и через какое-то время вернулся с подносом. На подносе были накрытые тарелки, бумажные стаканчики и термос. Охранник поставил поднос на стол, а затем они с напарником вышли в коридор. Заперли дверь снаружи. В комнате стало тихо, как в гробнице.

Мы принялись за еду. Рыба с рисом. Пятничное меню. В термосе – кофе. Хаббл молчал. Оставил мне почти весь кофе. Очко в его пользу. Сложив мусор на поднос, я поставил поднос на пол. Впереди еще три часа, которые надо чем-то занять. Откинувшись на стуле назад, я забросил ноги на стол. Не слишком удобно, но ничего лучшего не предвиделось. Теплый вечер. Сентябрь в Джорджии.

Я посмотрел на Хаббла, совсем без любопытства. Он по-прежнему молчал. Я до сих пор не слышал его голоса, если не считать по громкоговорителю телефона в кабинете Финли. Он посмотрел на меня. Выражение его лица было подавленным и испуганным. Он посмотрел на меня так, словно я был существом из другого мира. И отвел взгляд.

Быть может, мне не надо было поворачивать назад к заливу. Но в сентябре уже поздно направляться на север. Там слишком холодно. Возможно, надо было перебраться на острова. Например, на Ямайку. Там хорошая музыка. Поселиться в хижине на берегу. Прожить зиму в хижине на Ямайке. Выкуривать в неделю фунт травки. Заниматься всем тем, чем занимаются жители Ямайки. Быть может, два фунта травки в неделю с тем, кто разделит хижину. В нарисованную картину постоянно вплывала Роско. Ее форменная рубашка была потрясающе крахмалена. Хрустящая обтягивающая синяя рубашка. Никогда прежде мне не доводилось видеть, чтобы рубашка

сидела так хорошо. Но на пляже под солнцем Ямайки рубашка Роско не понадобится. Впрочем, я не думал, что это оказалось бы серьезной проблемой.

Все сделал со мной один ее взгляд. Она принесла мне стаканчик кофе. Сказала, что у меня добрые глаза. И подмигнула. Должно же это что-то означать, правда? Про глаза я уже слышал раньше. Одной англичанке, с которой мы хорошо провели время, нравились мои глаза. Она постоянно это повторяла. У меня голубые глаза. Мне также приходилось слышать, что их сравнивали с айсбергами в Ледовитом океане. Если сосредоточиться, я могу не моргать. Это придает взгляду устрашающий эффект. Очень полезно. То, что Роско мне подмигнула, было лучшим за весь сегодняшний день. Точнее, единственным за весь день, если не считать яйца всмятку у Ино. Но яйца можно найти где угодно. А вот по Роско я скучал. В таких размышлениях я плыл через пустой вечер.

В десять часов с небольшим дверь в коридор отперли снаружи. Вошел мужчина в форме. У него в руках была папка. И ружье. Я внимательно осмотрел его. Сын Юга. Грузный, мясистый. Красноватая кожа, большой твердый живот, толстая шея. Маленькие глазки. Тесный засаленный мундир с трудом его вмещал. Вероятно, этот человек родился на той самой ферме, на месте которой была построена тюрьма. Помощник надзирателя Спиви. Старший смены. Усталый и измученный. С ружьем в больших красных крестьянских руках.

Спиви заглянул в папку.

– Который из вас Хаббл? – спросил он.

У него был высокий пронзительный голос. Совершенно не вязавшийся с его солидными габаритами. Хаббл поднял руку, словно ученик начальной школы. Маленькие глазки Спиви, похожие на глаза змеи, оглядели его сверху донизу. Проворчав что-то нечленораздельное, Спиви подал знак папкой. Мы встали и вышли из комнаты. Хаббл был рассеян и покорен, словно усталый солдат.

– Поверните направо и идите по красной линии, – сказал Спиви.

Подчеркивая свои слова, он указал налево ружьем. На стене на уровне талии была проведена красная линия. Указатель к пожарному выходу. По всей видимости, она вела наружу, но мы пошли в противоположном направлении. Внутри тюрьмы, а не наружу. Придерживаясь красной линии, мы шли по коридорам, поднимались по лестницам, поворачивали. Сначала Хаббл, за ним я. Последним шел Спиви с ружьем. Везде было очень темно. Только тусклое дежурное освещение. На лестничной площадке Спиви приказал нам остановиться, отпер электронный замок, открывающийся автоматически при пожаре.

– Никаких разговоров, – сказал Спиви. – Согласно распорядку, после тушения света полная тишина. Ваша камера в конце коридора направо.

Мы шагнули вперед. Мне в ноздри ударил затхлый тюремный запах. Ночные ароматы большого количества заключенных. В коридоре стоял кромешный мрак. Тускло светилась ночная лампочка. Я скорее ощутил, чем увидел ряды камер. Из них доносились приглушенные ночные звуки. Дыхание, храп. Бормотание и стоны. Спиви провел нас до конца коридора. Указал на пустую камеру. Мы вошли. Спиви закрыл за нами решетчатую дверь. Замок захлопнулся автоматически. Спиви ушел.

В камере было очень темно. Я с трудом различил двухъярусную койку, умывальник и унитаз. Тесно. Сняв пальто, я закинул его на верхнюю койку. Переложил подушку от решетки. Мне так больше нравится. Простыня и одеяло старые, но, судя по запаху, достаточно свежие.

Хаббл молча опустился на нижнюю койку. Я воспользовался унитазом и сполоснул лицо в умывальнике. Подтянувшись, забрался на свою койку. Снял ботинки. Поставил их у кровати. Я хотел, чтобы они были под рукой. Ботинки могут украсть, а у меня были хорошие ботинки, купленные много лет назад в Англии, в Оксфорде. В университетском городке рядом с авиабазой, где я служил. Большие, тяжелые ботинки с твердой подошвой и толстым рантом.

Кровать была для меня слишком короткой, но то же самое можно сказать практически про все кровати. Я лежал в темноте и слушал беспокойные шумы тюрьмы. Затем я закрыл глаза и снова отправился на Ямайку с Роско. Должно быть, я заснул, потому что, когда я открыл глаза, была уже суббота. Я по-прежнему находился в тюрьме, и начинался еще более плохой день.

Глава 6

Меня разбудил яркий свет. Окон в тюрьме не было. День и ночь создавались электричеством. В семь часов здание вдруг затопил свет. Никаких мягких предрассветных сумерек. Просто выключатели ровно в семь часов утра замкнули электрические цепи.

При ярком свете камера не стала лучше. Передняя стена была из стальных прутьев. Половина открывалась на петлях наружу, образуя дверь. Двухъярусная койка занимала приблизительно половину камеры по ширине и почти всю по длине. На задней стене железный умывальник и железный унитаз. Стены каменные, наполовину железобетон, наполовину старая кирпичная кладка, покрытые толстым слоем краски. Стены казались очень толстыми. Как в подземелье. Над головой нависал низкий бетонный потолок. Камера казалась не комнатой, окруженной стенами, полом и потолком, а сплошным бетонным монолитом с выдолбленным в нем крохотным отверстием.

Беспокойный гомон ночи сменился дневным грохотом. Все вокруг было металлическим, бетонным, кирпичным. Звуки усиливались, многократно повторялись отголосками. Казалось, мы попали в преисподнюю. Сквозь решетку я ничего не видел. Напротив нашей камеры была глухая стена. Лежа на койке, я не мог смотреть вдоль прохода. Сбросив одеяло, я нашел ботинки. Обулся, завязал шнурки. Снова лег. Хаббл сидел на нижней койке. Его коричневые водонепроницаемые мокасины словно приросли к бетонному полу. У меня мелькнула мысль: не просидел ли он вот так всю ночь?

Следующим, кого я увидел, был уборщик. Он появился с той стороны решетки. Это был древний старик со шваброй. Очень старый негр с ежиком белоснежных волос на голове, сгорбленный от прожитых лет, хрупкий, словно сморщенная старая птица. Его оранжевая тюремная одежда была застирана практически до белизны. На вид ему было лет восемьдесят. Должно быть, последние

шестьдесят он провел за решеткой. Вероятно, украл цыпленка во времена Великой депрессии и до сих пор выплачивал свой долг обществу.

Негр двигался по коридору, наугад тыкая шваброй. Согнутая под прямым углом спина вынуждала его держать лицо параллельно полу. Для того чтобы смотреть по сторонам, он крутил головой, как пловец кролем. Увидев меня и Хаббла, негр остановился. Опустил швабру и покачал головой. Непроизвольно хихикнул. Снова покачал головой. Захихикал. Веселым, радостным смехом. Как будто наконец после стольких лет ему позволили увидеть какое-то чудо. Вроде единорога или русалки. Негр постоянно пытался заговорить и поднимал руку, словно желая подчеркнуть свои слова. Но каждый раз опять давился смехом и вынужден был опираться на швабру. Я не торопился. Я мог подождать. У меня впереди были все выходные. Впереди у негра была вся жизнь.

– Да, точно, – наконец улыбнулся он. У него не было зубов. – Да, точно.

Я смерил его взглядом.

– Что «да, точно», дедушка? – улыбнулся я в ответ.

Негр снова захихикал. Похоже, наш разговор затягивался.

– Да, точно, – повторил он. Наконец ему удалось совладать со смехом. – Я торчу в этой дыре с сотворения мира, да. С тех пор, как Адам еще был ребенком. Но сейчас я вижу то, что никогда не видел, приятель. Да, ни разу не видел за столько лет.

– И что же ты никогда не видел, старик? – спросил я.

– Ну, – сказал он, – я провел здесь столько лет и никогда не видел, чтобы в камере сидели в такой одежде, вот.

– Тебе не нравится моя одежда? – удивленно спросил я.

– Я этого не говорил, да. Я не говорил, что мне не нравится ваша одежда, ребята, – сказал негр. – Мне нравится ваша одежда, очень нравится. Замечательная одежда, да, точно, очень замечательная.

– Так в чем же дело? – спросил я.

Старик хихикнул над какой-то своей мыслью.

– Дело не в качестве одежды, да, – наконец сказал он. – Совсем не в качестве одежды. Дело в том, что она на вас надета, да. А вы должны быть в оранжевой форме. Я такого еще никогда не видел, а как я уже говорил, я здесь с тех пор, как земля остыла, с тех пор, как динозавры сказали, что с них хватит. Но теперь я повидал все, да, все.

– Но те, кто находится на этаже предварительного содержания, не носят форму, – заметил я.

– Да, точно, это ты в самую точку, приятель, – согласился старый негр. – Тут нет никаких сомнений.

– Так сказали охранники, – подтвердил я.

– А что еще они могли сказать, – согласился старик. – Потому что таковы правила, а охранники – они знают правила, да, знают, потому что сами их составляют.

– Так в чем же дело, старик? – снова спросил я.

– Как же, я же сказал, вы не в оранжевой форме, – ответил он.

Мы начали ходить по кругу.

– Но я не должен ее носить, – возразил я.

Негр удивился. Его пронизательные птичьи глаза уставились на меня.

– Не должен? Это еще почему? Объясни-ка мне.

– Потому что на этаже предварительного содержания форму не носят, – терпеливо сказал я. – Мы же только что пришли к согласию, верно?

Наступила тишина. Нам обоим одновременно пришла одна и та же мысль.

– Вы думаете, это этаж предварительного содержания? – спросил старик.

– Разве это не этаж предварительного содержания? – одновременно спросил я.

Старик умолк. Подхватил швабру и заковылял прочь так быстро, как мог.

– Это не этаж предварительного содержания, приятель, – завопил он. – Подследственные находятся на верхнем этаже. На шестом. А это третий этаж. Вы на третьем этаже, ребята. Здесь сидят те, кто отбывает пожизненное заключение, признанные особо опасными. Это даже не простые обитатели тюрьмы. Это гораздо хуже, приятель. Да, ребята, вы попали в плохое место. Вы попали в беду, это точно. К вам придут гости. Они посмотрят, кто к ним попал. О, ребята, я поскорее убираюсь отсюда.

Оценить. Долгий опыт научил меня сначала оценивать и определять. Когда неожиданность падает как снег на голову, нельзя терять время. Не надо гадать, как и почему это произошло. Не надо винить себя. Не надо искать виновных. Не надо думать о том, как избежать повторения той же ошибки. Всем этим можно будет заняться позже. Если останешься жив. Первым делом надо оценить ситуацию. Проанализировать. Определить минусы. Найти плюсы. В соответствии с этим составить план действий. Если сделать так, у тебя появится шанс продержаться и потом заняться всем остальным.

Мы не в камере предварительного содержания на шестом этаже. Не там, где должны находиться подследственные. Мы на третьем этаже, среди заключенных, отбывающих пожизненное наказание. Особо опасных преступников. Плюсов никаких. Минусов хоть отбавляй. Мы новички на этаже осужденных. Без статуса нам не выжить. А статуса у нас нет. Нам бросят вызов. Вынудят опуститься на самое дно тюремной иерархии. Нам предстояли очень неприятные выходные. Возможно, со смертельным исходом.

Я вспомнил одного парня из армии, дезертира. Молодой новобранец, неплохой парень, ушел в самоволку, потому что у него была какая-то мудреная религия. Нашел на свою голову неприятности в Вашингтоне, присоединился к какой-то демонстрации. В итоге попал в тюрьму, на этаж к плохим ребятам. Умер в первую же ночь. Анальное изнасилование. По оценкам, не меньше пятидесяти раз. При вскрытии у него в желудке было обнаружено около пинты спермы. Новичок без статуса. Попал на

самое дно тюремной иерархии. Беззащитный перед всеми, кто выше его.

Плюсы. У меня есть интенсивная подготовка. И опыт, не имеющий отношения к тюремной жизни, но который все равно поможет. Мне пришлось пройти курс весьма неприятного образования, и не только в армии. Все началось еще с детства. Между начальной школой и колледжем дети военных успевают поучиться в двадцати, а то и в тридцати разных школах. Частично на военных базах, но в основном в местных. Суровое испытание. Филиппины, Корея, Исландия, Германия, Шотландия, Япония, Вьетнам. По всему земному шару. И первый день в каждой новой школе я был новичком, не имеющим статуса. На жарких, пыльных школьных дворах, на холодных и сырых школьных дворах мы с братом завоевывали себе статус, спина к спине.

Затем, когда я сам попал на военную службу, жестокость была отточена до совершенства. Меня учили профессионалы. Те, кто сам учился еще во время Второй мировой войны, Кореи, Вьетнама. Люди, пережившие то, о чем я только читал в книгах. Они обучали меня приемам, способам, навыкам. Но в первую очередь они учили меня социальной установке. Они учили тому, что запреты и ограничения равносильны смерти. Бей первым, бей изо всех сил. Убивай первым же ударом. Отвечай до того, как тебя ударили. Обманывай. Господа, ведшие себя прилично, больше никого ничему не могли научить. Они уже давно были мертвы.

В половине восьмого вдоль ряда камер разнесся нестройный лязг. Таймер отпер клетки. Дверь нашей камеры приоткрылась на дюйм. Хаббл сидел не шелохнувшись. Он до сих пор не проронил ни звука. У меня не было никакого плана. Конечно, лучше всего было бы отыскать охранника. Все ему объяснить и добиться перевода на другой этаж. Но я не надеялся найти охранника. На таких этажах они не несут службу поодиночке. Они ходят парами, а то и втроем или вчетвером. В этой тюрьме не хватает персонала. Нам это ясно дали понять вчера вечером. Маловероятно, что людей достаточно для

того, чтобы патрулировать группами все этажи. Вполне вероятно, за весь день я не увижу ни одного охранника. Они будут сидеть в караульном помещении. И покидать его только в случае чрезвычайного происшествия. Но даже если я увижу охранника, что я ему скажу? Что я попал сюда по ошибке? Наверняка он и так слышал это каждый день. Меня спросят: а кто меня сюда отправил? Я отвечу: Спиви, старший надзиратель. Мне скажут: значит, все в порядке. Поэтому мой план состоял в отсутствии плана. Жди и смотри. И действуй соответственно. *Цель:* дожить до понедельника.

Послышался скрежет; обитатели тюрьмы стали открывать двери своих камер. До меня донеслись шаги и обрывки разговоров, ознаменовавших начало еще одного бесцельного дня. Я ждал.

Ждать пришлось недолго. Со своего острого угла, лежа на койке ногами к двери, я увидел выходящих в коридор соседей. Они смешались в небольшую толпу. Все были одеты одинаково. Оранжевая тюремная форма. Туго повязанные красные банданы на бритых головах. Здоровенные негры. Судя по виду, культуристы. У некоторых были оторваны рукава курток. Это должно было говорить о том, что даже самый большой размер не может вместить их солидные бицепсы. Возможно, они были правы. Впечатляющее зрелище.

Ближайший к нам негр был в светлых солнцезащитных очках. Хамелеоны, темнеющие на солнечном свете. По всей вероятности, последний раз этот тип видел солнце еще в семидесятые. И вероятно, больше увидеть солнце ему не суждено. Так что очки были рудиментом, но смотрелись очень хорошо. Как и обилие мускулов. Как и банданы и куртки с оторванными рукавами. Запоминающийся образ. Я ждал.

Наконец тип в солнцезащитных очках нас заметил. Выражение удивления у него на лице быстро сменилось восторгом. Он предупредил самого огромного верзилу, похлопав его по руке. Верзила обернулся. Долго непонимающе смотрел на нас. Затем ухмыльнулся. Я ждал. У нашей камеры собралась плотная кучка. Все

таращились на нас. Верзила открыл дверь. Остальные передавали ее по дуге из руки в руку. Защелкнули ее.

– Смотрите, что нам прислали, – сказал верзила. – Вы видите, что нам прислали?

– Что нам прислали? – переспросил тип в солнцезащитных очках.

– Нам прислали свежее мясо, – ответил верзила.

– Это точно, – подтвердил тип в очках. – Свежее мясо.

– Свежее мясо для всех, – сказал верзила.

Он ухмыльнулся. Оглядел свою банду, и остальные ухмыльнулись в ответ. Похлопали друг друга по ладоням, не поднимая рук. Я ждал. Верзила зашел на полшага к нам в камеру. Он был просто громадный. На дюйм-два ниже меня, зато вдвое тяжелее. Он заполнил собой дверной проем. Его тупые глазки мельком оглядели меня, затем переключились на Хаббла.

– Ты, белый парень, подойди сюда, – сказал верзила, обращаясь к Хабблу.

Я почувствовал, что Хаббла охватила паника. Он не пошевелился.

– Подойди сюда, белый парень, – тихо повторил верзила.

Хаббл встал. Неуверенно шагнул к негру, стоящему в дверях. Верзила бросил на него яростный взгляд, призванный своей свирепостью заморозить у противника кровь в жилах.

– Это территория Красного, – сообщил верзила. Он повернулся к банданам. – Что делает бледнолицый на территории Красного?

Хаббл молчал.

– Налог на проживание, парень, – сказал верзила. – Как платят в гостиницах во Флориде. Ты должен заплатить налог. Дай мне свой свитер, белый парень.

Хаббл окаменел от страха.

– Дай мне свой свитер, белый парень, – тихо повторил верзила.

Развязав рукава своего дорогого свитера, Хаббл протянул его верзиле.

Тот взял свитер и, не глядя, швырнул за спину.

– Дай мне свои очки, белый парень.

Хаббл бросил на меня взгляд, полный отчаяния. Снял свои очки в золотой оправе. Протянул верзила. Тот взял и уронил на пол. Наступил на них. Покрутил каблуком. Очки хрустнули и разлетелись на мелкие осколки. Верзила шаркнул ногой, вышвыривая обломки в коридор. Остальные принялись по очереди их топтать.

– Хороший мальчик, – сказал верзила. – Ты заплатил налог.

Хаббла охватила дрожь.

– А теперь подойди сюда, белый парень, – велел его мучитель.

Хаббл робко шагнул вперед.

– Ближе, белый парень.

Хаббл придвинулся ближе. Остановился в футах от него. Его уже трясло.

– На колени, белый парень.

Хаббл опустился на колени.

– Расстегни мне ширинку, белок.

Хаббл, объятый паникой, не шелохнулся.

– Расстегни мне ширинку, белый парень, – повторил верзила. – Зубами.

Вскрикнув от страха и отвращения, Хаббл отскочил назад и забился в самый дальний угол камеры. Попытался спрятаться за унитазом. Он буквально тянул его на себя.

Пора вмешаться. Не ради Хаббла. Я не испытывал к нему никаких чувств. Но я должен был вмешаться ради себя. Капитуляция Хаббла бросит пятно позора и на меня. Нас будут воспринимать как пару. Поражение Хаббла повергнет в грязь нас обоих. Игра шла за статус.

– Вернись, белый парень, разве я тебе не нравлюсь? – окликнул верзила Хаббла.

Я сделал бесшумный вдох. Сбросил ноги с койки и легко спрыгнул на пол перед верзилой. Он удивленно уставился на меня. Я спокойно выдержал его взгляд.

– Кусок сала, ты у меня в гостях, – сказал я. – Но я дам тебе возможность выбирать.

– Выбирать что? – спросил верзила. Непонимающе. Изумленно.

– Выбирать стратегию выхода, кусок сала, – сказал я.

– Не понял?

– Я хочу сказать следующее. Ты уйдешь отсюда. Можешь не сомневаться. У тебя есть возможность выбрать, как ты уйдешь. Или ты уйдешь сам, или те жирные ребята, что стоят у тебя за спиной, вынесут тебя отсюда в ведре.

– Вот как? – спросил верзила.

– Можешь не сомневаться, – сказал я. – Я буду считать до трех, хорошо? Так что ты решай быстрее, понятно?

Он молча смотрел на меня.

– Раз, – отсчитал я.

Никакого результата.

– Два, – отсчитал я.

Никакого результата.

И тут я пошел на обман. Вместо того чтобы считать до трех, я ударил верзилу головой в лицо. Шагнул вперед и со всего размаха врезал ему лбом в нос. У меня получилось просто прекрасно. Лоб изгибается идеальной дугой и очень прочный. Черепные кости впереди очень толстые. А у меня так они вообще железобетонные. Человеческая голова штука тяжелая. Ее удерживают в нужном положении всевозможные шейные и спинные мышцы. Представьте себе, что вы получили в лицо удар шаром для боулинга. Кроме того, это всегда неожиданно. Люди ожидают удара кулаком или ногой. Удар головой всегда неожиданный. Как гром среди ясного неба.

Похоже, все лицевые кости верзилы провалились внутрь. Наверное, я разбил всмятку его нос и раздробил обе кости щек. Изрядно встряхнул его крохотный мозг. Под верзилой подогнулись ноги, и он рухнул на пол, как марионетка, у которой перерезали нитки. Как на бойне. Его череп с грохотом ударился о бетонный пол.

Я обвел взглядом кучку, толпившуюся перед дверью нашей камеры. Красные банданы быстро переоценивали мой статус.

– Кто следующий? – спросил я. – Но дальше у нас будет как в Лас-Вегасе: или ставки удваиваются, или пошел вон. Этот тип

отправляется в тюремный госпиталь и проведет шесть недель в железной маске. Так что следующий получит уже двенадцать недель в госпитале, понятно? Парочка сломанных ребер, верно? Итак, кто следующий?

Ответа не последовало.

Я ткнул пальцем в негра в солнцезащитных очках.

– Кусок жира, дай мне свитер, – сказал я.

Нагнувшись, негр подобрал свитер. Передал его мне. Наклонился и протянул руку. Не желая чересчур приближаться. Взяв свитер, я бросил его на койку Хаббла.

– Дай мне очки, – сказал я.

Нагнувшись, негр подобрал с пола сломанную золотую оправу. Протянул ее мне. Я швырнул ее назад.

– Они сломаны. Дай свои.

Последовала долгая пауза. Негр смотрел на меня. Я, не моргая, смотрел на него. Наконец он снял свои солнцезащитные очки и протянул их мне. Я убрал их в карман.

– А теперь уберите отсюда эту тушу, – распорядился я.

Кучка людей в оранжевой форме с красными банданами схватила верзилу за обмякшие члены и выволокла из камеры. Я забрался на свою верхнюю полку. Меня трясло от прилива адреналина. В желудке все бурлило, я задыхался. Мое кровообращение готово было вот-вот остановиться. Я чувствовал себя ужасно. Но далеко не так ужасно, как чувствовал бы себя, если бы не сделал то, что сделал. Тогда к этому моменту красные банданы уже закончили бы с Хабблом и переключились на меня.

Я не притронулся к завтраку. У меня не было аппетита. Я просто лежал на верхней койке и ждал, когда мне полегчает. Хаббл сидел на нижней койке, раскачиваясь взад-вперед. Он так и не произнес ни звука. Через какое-то время я соскользнул на пол. Вымыл лицо. По коридору проходили люди. Заглядывали к нам и уходили. Известие распространилось мгновенно. Новичок из последней

камеры отправил Красного в госпиталь. Надо посмотреть на него. Я стал знаменитостью.

В конце концов Хаббл перестал раскачиваться и посмотрел на меня. Открыл рот и снова закрыл. Открыл опять.

– Я так не могу, – сказал он.

Это были первые слова, что я услышал от него после уверенного разговора по телефону, который слушал в кабинете Финли. Хаббл говорил очень тихо, но его слова не вызывали сомнений. Это была не скулящая жалоба, а простая констатация факта. Он так не может. Я посмотрел на него, обдумывая его слова.

– Так почему вы здесь? – спросил я. – Что вы сделали?

– Я ничего не сделал, – безучастно ответил Хаббл.

– Вы сознались в том, чего не совершали, – сказал я. – Вы сами на это напросились.

– Нет, – сказал он. – Все было именно так, как я сказал. Это сделал я, и я так и сказал следователю.

– Чушь, Хаббл. Вас там даже не было. Вы были на вечеринке. Человек, отвозивший вас домой, служит в полиции, черт побери. Вы в этом не виновны, вы это знаете, и все это знают. Так что не вешайте мне лапшу на уши.

Хаббл устался в пол. Задумался.

– Я ничего не могу объяснить, – наконец сказал он. – Я ничего не могу сказать. Мне просто необходимо узнать, что будет дальше.

Я снова посмотрел на него.

– Что будет дальше? – переспросил я. – Вы просидите здесь до понедельника, а утром вас отвезут назад в Маргрейв. А потом, полагаю, просто освободят.

– Правда? – спросил он, словно полемизируя сам с собой.

– Вас там даже не было, – повторил я. – Полиции это известно. Возможно, она захочет узнать, почему вы сознались в том, чего не совершали. И почему у того парня был номер вашего телефона.

– А если я ничего не могу ответить? – сказал Хаббл.

– Не можете или не хотите? – спросил я.

– Не могу, – уточнил он. – Я ничего и никому не могу объяснить.

Хаббл отвернулся, и его передернуло. Он был очень напуган.

– Но я не могу здесь оставаться, – сказал он. – Я этого не вынесу.

Хаббл был финансистом. Такие люди разбрасывают свои телефоны, как конфетти. Рассказывают каждому встречному о секретных фондах и налоговом рае. Говорят все, что угодно, лишь бы получить в свое распоряжение заработанные тяжелым трудом чужие доллары. Но этот номер был на обрывке компьютерной распечатки, а не на визитной карточке. И обрывок был спрятан в ботинке, а не засунут в бумажник. Фоном ко всему этому, словно ритм-секция, звучал страх, буквально струившийся из Хаббла.

– Почему вы никому не можете рассказать? – спросил я.

– Потому что не могу, – ответил он. И на этом остановился.

Внезапно я почувствовал себя страшно усталым. Двадцать четыре часа назад я спрыгнул с автобуса на развилке и пошел пешком по шоссе, бодро шагая под теплым утренним дождем. Держась подальше от людей, держась подальше от неприятностей. Без вещей, без проблем. Свобода. Я не хотел, чтобы ее отнимали у меня Хаббл, Финли или какой-то высокий тип, которому прострелили бритую голову. Я не желал иметь с этим никаких дел. Я хотел тишины и спокойствия, возможности искать следы Слепого Блейка. Я хотел найти какого-нибудь восьмидесятилетнего старика, когда-то выпивавшего вместе с ним. Мне нужно было разговаривать с тем старым негром, что подметал утром тюрьму, а не с Хабблом. Молодым преуспевающим ослом.

Он напряженно думал. Теперь я понял, что имел в виду Финли. Мне никогда не приходилось наблюдать так явственно мыслительный процесс. Хаббл беззвучно шевелил губами и загибал пальцы. Словно перебирал плюсы и минусы. Взвешивал за и против. Я молча следил за ним. И увидел, что он принял решение. Повернувшись, Хаббл посмотрел на меня.

– Мне нужен совет, – сказал он. – У меня возникла кое-какая проблема.

Я громко рассмеялся.

– Вы меня удивили. А я ни за что бы об этом не догадался. Я думал, вы здесь потому, что вам надоело по выходным играть в гольф.

– Мне нужна помощь, – произнес он настойчиво.

– Вы уже получили всю помощь, на которую только могли рассчитывать, – сказал я. – Если бы не я, вы бы сейчас стояли согнутый пополам перед своей кроватью, а сзади выстроилась бы очередь из этих сексуально возбужденных верзил. А вы до сих пор не слишком-то переусердствовали в выражении своей признательности.

Хаббл задумчиво посмотрел на меня. Кивнул.

– Извините, – сказал он. – Я вам очень признателен. Поверьте, очень признателен. Вы спасли мне жизнь. Вы за меня заступились. Вот почему вы должны мне сказать, что делать дальше. Мне угрожают.

Я откликнулся на это признание не сразу.

– Знаю. В общем-то, это очевидно.

– И не только мне, – продолжал Хаббл. – Также и моим родным.

Он собирался впутать в свои проблемы и меня. Я смерил его взглядом. Хаббл снова начал думать. Его губы беззвучно шевелились. Он считал на пальцах. Стреляя глазами по сторонам. Как будто справа и слева лежали большие кучи доводов за и против. Какая куча больше?

– У вас есть семья? – наконец спросил Хаббл.

– Нет, – ответил я.

Что еще я мог сказать? Родители мои давно умерли. Где-то у меня был брат, с которым я не виделся целую вечность. Так что у меня не было никого. И я не мог точно ответить, хочу ли обзаводиться семьей.

– Я женат уже десять лет, – продолжал Хаббл. – Десять лет исполнилось в прошлом месяце. Мы это торжественно

отпраздновали. У меня двое детей. Сын девяти лет и дочь семи. Замечательная жена, замечательные дети. Я люблю их до безумия.

Он говорил искренне. Я видел это по его лицу. Затем Хаббл погрузился в молчание. При воспоминании о семье его затащила пелена грусти. Он ломал голову, какого черта торчит сейчас здесь, вдали от них. Но из тех, кто сидел в этой камере, не его первого одолевали такие мысли. И не последнего.

– У нас очень уютный дом, – снова заговорил Хаббл. – На Бекман-драйв. Я купил его пять лет назад. Заплатил уйму денег, но дом того стоит. Вам знакомы эти места?

– Нет, – снова сказал я.

Хаббл боялся перейти к сути. Скоро он начнет рассказывать мне про обои в ванной на первом этаже. И про то, как он собирается платить за курс ортодонтии, который предстоит пройти его дочери. Я не собирался ему мешать. Обычные тюремные разговоры.

– Так или иначе, – спокойно произнес Хаббл, – теперь все пошло прахом.

Он сидел на койке, одетый в выцветшую футболку и линялые джинсы. Подобрал свой белый свитер, он снова повязал его поверх плеч. Без очков его лицо казалось старше, а взгляд каким-то отсутствующим. Те, кто носит очки, без них выглядят рассеянными и незащищенными. Человек остался один в чужом, враждебном мире. Исчезла защитная преграда. Сейчас Хаббл напоминал усталого старика. Одна нога была выставлена вперед. Мне был виден рисунок на подошве.

Что именно он назвал угрозой? Какая-то тайна может стать явью? Что-то может разбить идеальную жизнь его семьи в доме на Бекман-драйв? Возможно, его жена в чем-то замешана, а он ее покрывает. Возможно, высокий тип, получивший пулю в голову, был ее любовником. Мало ли что возможно. Быть может, этой семье угрожает позор, банкротство, бесчестье, прекращение членства в местном клубе. Я ходил кругами. Я не был знаком с миром Хаббла. У меня были другие представления о том, что такое настоящая угроза.

Да, он дрожал от страха. Но я не имел понятия, как много нужно для того, чтобы напугать такого человека. Или как мало. Когда я впервые увидел Хаббла вчера в полицейском участке, он был чем-то взволнован. С тех пор его то била дрожь, то он сидел, уставившись в одну точку, парализованный ужасом. Его не покидали отрешенность и апатия. Несомненно, Хаббл чего-то очень боялся. Прислонившись к стене камеры, я ждал, когда он мне расскажет, чего именно.

– Они нам угрожают, – наконец снова сказал он. – Они предупредили, что, если я кому-нибудь расскажу о том, что происходит, они ворвутся к нам в дом. Соберут нас в моей спальне. Прибьют меня гвоздями к стене и отрежут мне яйца. А потом заставят мою жену их съесть. Потом перережут нам горло. А наших детей заставят смотреть на все это, после чего сделают с ними такое, что мы будем рады, что ничего не увидим, так как будем к тому времени уже мертвы.

Глава 7

– Так что мне делать? – спросил Хаббл. – Что бы вы сделали на моем месте?

Он смотрел мне в лицо. Ожидая ответа. Что бы я сделал на его месте? Если бы кто-то сказал мне что-либо подобное, эти люди умерли бы. Я бы разорвал их на части. Или еще когда они говорили свою угрозу, или через несколько дней, месяцев, лет. Я бы их выследил и разорвал на части. Но Хаббл так не поступит. У него семья. Три заложника, которые только и ждут, когда их захватят. Уже захваченные. В тот самый момент, когда была сделана угроза.

– Что мне делать? – повторил Хаббл.

Мне стало не по себе. Я должен был что-то ответить. И у меня болел лоб, разбитый в кровь после крепкого удара в лицо Красного. Я подошел к решетке, выглянул в коридор и осмотрел длинные ряды камер. Прислонился к верхней полке. Подумал. Нашел единственный ответ. Но не тот, который хотел услышать Хаббл.

– Ничего, – сказал я. – Вам велели держать язык за зубами, вот и держите его за зубами. Никому ни о чем не говорите. Ни слова.

Хаббл устоял на свои ноги. Уронил голову на руки. Издал стон, наполненный отчаянием. Словно его сокрушило разочарование.

– Я должен с кем-то поговорить, – сказал он. – Я должен выпутаться из этой истории. Я говорю серьезно, я должен выпутаться из этой истории. Я должен с кем-то поговорить.

Я покачал головой:

– Ни в коем случае. Вам велели молчать, вот и молчите. Только так вы останетесь живы. И вы, и ваша семья.

Он поднял взгляд. Его передернуло.

– Происходит нечто очень серьезное, – сказал Хаббл. – И я должен остановить это, если смогу.

Я снова покачал головой. Если люди, делающие подобные угрозы, действительно затеяли что-то крупное, Хабблу их не остановить. Он

крупно вляпался, ему никуда не деться. Печально улыбнувшись, я в третий раз покачал головой. Казалось, Хаббл все понял. В конце концов он признал неизбежное. Он снова принялся раскачиваться взад-вперед, уставившись в стену. Широко открытыми глазами. Без золотой оправы красными и беззащитными. Он раскачивался и не говорил ни слова.

Я не мог понять его признания. Хаббл должен был держать язык за зубами. Отрицать всякую связь с убитым. Утверждать, что понятия не имеет, как его телефон попал в ботинок. Утверждать, что понятия не имеет, что такое «pluribus». Тогда его бы отпустили домой.

– Хаббл, – сказал я, – почему вы сделали признание?

Он поднял взгляд. Долго молчал, прежде чем ответить.

– Я ничего не могу вам объяснить. Я и так сказал гораздо больше, чем следовало.

– Я и так знаю гораздо больше, чем мне следовало, – ответил я. – Финли спросил вас про труп и «pluribus», и вы раскололись. Так что мне известно о том, что существует какая-то связь между вами, убитым и этим «pluribus», что бы это ни было.

Хаббл отрешенно посмотрел на меня.

– Финли – это тот чернокожий следователь? – спросил он.

– Да, – подтвердил я. – Финли, старший следователь.

– Он у нас новенький, – сказал Хаббл. – Я его никогда раньше не видел. До него всегда был Грей. Он работал здесь испокон веку, еще с тех пор, как я был совсем маленьким. Вообще-то, знаете, в отделении только один следователь, так что я не понимаю, зачем говорить «старший следователь», когда других, кроме него, нет? Во всем полицейском участке всего восемь человек. Начальник полиции Моррисон, он тоже работает с незапамятных времен, затем дежурный сержант, четыре полицейских в форме, одна женщина и следователь. Грей. Только теперь вместо Грея этот Финли. Новенький. Чернокожий. У нас таких раньше никогда не было. Видите ли, Грей покончил с собой. Повесился на балке в гараже. Кажется, в феврале.

Я слушал, не перебивая. Тюремные разговоры. Помогают скоротать время. В этом их главный смысл. У Хаббла это выходило хорошо. Но мне по-прежнему хотелось получить от него ответ на свой вопрос. У меня болел лоб, и я хотел вымыть его холодной водой. Я хотел прогуляться. Хотел есть. Хотел кофе. Я отключился, а Хаббл продолжал бормотать, рассказывая мне историю Маргрейва.

– О чем вы меня спросили? – вдруг спохватился он.

– Почему вы сознались в убийстве того типа? – повторил я.

Хаббл огляделся вокруг. Затем посмотрел мне в лицо.

– Есть связь, – сказал он. – Больше сейчас ничего нельзя сказать. Детектив рассказал про того человека и упомянул слово «pluribus», и я вздрогнул. Я был поражен. Не мог поверить, что ему известна связь. Затем я понял, что он ничего не знал, но я только что сам ему все выдал. Понимаете? Я сам себя выдал. Выболтал тайну. А делать этого нельзя, из-за угрозы.

Хаббл снова умолк. Вернулись отголоски паники, охватившей его в кабинете Финли. Наконец он снова посмотрел на меня. Глубоко вздохнул.

– Я был вне себя от ужаса, – сказал он. – Но потом следователь сказал мне, что этот человек мертв. Убит выстрелом в голову. Я испугался еще больше, потому что раз они убили его, они могут убить и меня. Честное слово, я не могу вам объяснить почему. Но есть связь, как вы уже сами догадались. Если они расправились с тем человеком, следует ли из этого, что они собираются расправиться и со мной? Мне нужно было все обдумать. Я даже не знал точно, кто убил того человека. Но тут следователь рассказал мне про зверские действия. Он вам об этом говорил?

Я кивнул.

– О побоях? Мало приятного.

– Точно, – подхватил Хаббл. – И это доказывает, что тут замешан тот самый человек, на которого я и подумал. Так что я не на шутку испугался. Я гадал, ищут ли и меня тоже? Или не ищут? Я не знал. Я был в ужасе. Я думал целую вечность. Все это снова и снова

крутилось у меня в голове. Следователь начал сходить с ума. Я ничего не говорил, потому что думал. Мне казалось, прошло несколько часов. Я был перепуган, вы понимаете?

Он снова погрузился в молчание. Снова перебирал все в голове. Вероятно, в тысячный раз. Пытаясь определить, правильным ли было принятое им решение.

– И вдруг до меня дошло, что я должен делать, – сказал Хаббл. – Передо мной стояли три проблемы. Если они охотятся и за мной, я должен как-то от них укрыться. Спрятаться, понимаете? Чтобы защитить себя. Но если они за мной не охотятся, я должен молчать, верно? Чтобы защитить жену и детей. Кроме того, с их точки зрения, того человека надо было убить. Три проблемы. Поэтому я сделал признание.

Я не мог проследить за его рассуждениями. В этих объяснениях для меня не было никакого смысла. Я непонимающе посмотрел на Хаббла.

– Три отдельные проблемы, – повторил он. – И я решил сесть в тюрьму. В этом случае, если они за мной охотятся, я буду в безопасности. Потому что они же не смогут добраться до меня здесь, правда? Они на свободе, а я в тюрьме. Вот решение проблемы номер один. Далее наступает самое сложное. Я подумал: если они на самом деле вовсе за мной и не охотятся, то почему бы мне не сесть в тюрьму, но ничего про них не рассказывать? Тогда они подумают, что меня арестовали по ошибке, и поймут, что я ничего не сказал. Поймут, что все в порядке. Это докажет, что мне можно верить. Вроде как подтверждение моей надежности. Доказательство. Если так можно выразиться, проверка делом. Вот решение проблемы номер два. Ну а взяв на себя убийство того человека, я однозначно становлюсь на их сторону. Все равно как приношу клятву верности, правда? И я подумал, что они будут мне признательны за то, что я на время отвлек огонь на себя. Вот и решение проблемы номер три.

Я посмотрел на него. Неудивительно, что в кабинете Финли Хаббл сорок минут молчал и думал как сумасшедший. Три зайца одним

выстрелом. Вот куда он целился.

К той части, где он показывал, что ему можно доверять, вопросов не было. Эти люди, кем бы они ни были, обязательно это заметят. Ты побывал в тюрьме и никого не выдал – это тебе обязательно зачтется. Ритуальное причащение. Получай орден почета. Это ты хорошо придумал, Хаббл.

К несчастью, вторая часть была очень сомнительна. Его не достанут здесь, в тюрьме? Да он шутит. На свете нет лучшего места, чем тюрьма, чтобы замочить человека. Известно, где именно он находится, никто не торопит со временем. Найдется масса людей, которые с радостью выполнят заказ. Масса возможностей. И дешево. Сколько будет стоить смертельный удар на улице? Штуку, две штуки? Плюс риск. А в тюрьме смерть человека обойдется заказчику в пачку сигарет. И никакого риска. Потому что никто ничего не заметит. Нет, тюрьму никак нельзя считать безопасным убежищем. Это ты плохо придумал, Хаббл. К тому же в его рассуждениях был еще один изъян.

– А что вы собираетесь делать в понедельник? – спросил я. – Вы вернетесь домой, продолжите заниматься тем, чем занимались раньше. Будете ходить по улицам Маргрейва, или Атланты, или где вы еще ходили. Если за вами охотятся, разве у этих людей не будет возможности?

Хаббл снова начал думать. Как сумасшедший. Раньше он не заглядывал далеко вперед. Вчера его просто охватила слепая паника. Разобраться с настоящим. Неплохой подход. Вот только очень быстро подкатывает будущее, и приходится разбираться и с ним.

– Я просто надеюсь на лучшее, – сказал Хаббл. – Мне почему-то показалось, что если они действительно захотели расправиться со мной, то через какое-то время они бы остыли. Я могу быть для них очень полезным. Надеюсь, они это обязательно поймут. Сейчас ситуация очень напряженная. Но скоро все непременно успокоится.

Мне только надо выждать. Но если меня убьют, мне все равно. Я уже перестал бояться. Меня беспокоит только моя семья.

Умолкнув, он пожал плечами. Шумно вздохнул. Неплохой парень. Он не был рожден для того, чтобы стать серьезным преступником. Это подкралось к нему сзади. Засосало так осторожно, что он ничего не заметил. До тех пор, пока не захотел выбраться. Если Хабблу очень повезет, ему не переломают все кости после того, как он будет убит.

– Что известно вашей жене? – спросил я.

Он в ужасе посмотрел на меня:

– Ничего. Совсем ничего. Я ей ничего не говорил. Ни слова. Я не мог. Это моя тайна. Кроме меня, никто ничего не знает.

– Вам придется что-то ей объяснить, – сказал я. – Можно не сомневаться, она обратила внимание, что вас нет дома, вы не чистите бассейн – или чем еще вы занимаетесь по выходным?

Я просто попробовал хоть как-то его развеселить, но у меня ничего не получилось. Хаббл умолк. Снова расстроился при мысли о дворе своего дома, купающемся в лучах осеннего солнца. Его жена сейчас, наверное, суетится вокруг розовых кустов. Дети играют с громкими криками. Быть может, у них есть собака. И гараж на три машины, где стоят европейские седаны, ждущие, когда их окатят водой из шланга. Над дверью баскетбольное кольцо, ожидающее, когда у девятилетнего мальчишки хватит сил закинуть в него тяжелый мяч. Над крыльцом флаг. Первые опавшие листья, которые надо сметать. Семейная жизнь по субботам. Но в эту субботу Хабблу придется ее пропустить.

– Надеюсь, она решит, что произошла какая-то ошибка, – наконец сказал Хаббл. – А может быть, ей все скажут – не знаю. Мы близко знакомы с одним из полицейских. С Дуайтом Стивенсоном. Мой брат женат на сестре его жены. Не знаю, что он ей скажет. Думаю, я со всем разберусь в понедельник. Скажу, произошла какая-то страшная ошибка. Жена мне поверит. Всем известно, что время от времени случаются ошибки.

Он рассуждал вслух.

– Хаббл, – сказал я. – Чем так провинился перед ними тот высокий тип, что ему прострелили голову?

Встав, он прислонился к стене. Поставил ногу на край стального унитаза. Посмотрел на меня. Ничего не ответил. Теперь настал черед задать главный вопрос:

– Ну хорошо, чем провинились перед ними вы, раз вам грозит выстрел в голову?

Хаббл молчал. Тишина в нашей камере стала просто жуткой. Я тоже решил помолчать немного. Просто не мог придумать, что еще сказать. Хаббл принялся постукивать ботинком по металлическому унитазу. Дребезжащий ритм, чем-то напоминающий импровизации Бо Дидли.

– Вы когда-нибудь слышали о Слепом Блейке? – вдруг спросил я.

Перестав стучать, Хаббл посмотрел на меня.

– О ком? – тупо переспросил он.

– Не важно, – сказал я. – Я пойду искать уборную. Мне нужно положить мокрое полотенце на голову. Рана болит.

– Неудивительно, – сказал Хаббл. – Я пойду с вами.

Он очень боялся остаться один, что было вполне понятно. На эти выходные я должен был стать его нянькой. Впрочем, у меня все равно не было других планов.

Мы прошли мимо ряда камер до площадки в конце коридора. Я увидел дверь пожарного выхода, через которую Спиви привел нас вчера вечером. За ней была выложенная кафелем туалетная комната. На стене висели часы. Времени было уже около полудня. Я никогда не мог понять, зачем нужны часы в тюрьмах. Зачем вести счет часам и минутам, когда заключенные отмеряют время годами и десятилетиями?

В туалетной комнате стояли плотной кучкой люди. Я протиснулся сквозь толпу, Хаббл проследовал за мной. Это было просторное квадратное помещение. В воздухе стоял сильный запах дезинфицирующих средств. В одной из стен дверь. Слева ряд

открытых душевых кабинок. Сзади ряд туалетных кабинок. Открытых спереди, разделенных перегородками высотой по пояс. Справа раковины. Вся жизнь на глазах у общества. Ничего страшного, если ты всю жизнь провел в армии, но Хабблу было не по себе. Он привык совсем к другому.

Вся фурнитура металлическая. То, что должно было быть из фаянса, здесь из нержавеющей стали. В целях безопасности. Из разбитой фаянсовой раковины получаются довольно острые осколки. А осколок приличного размера может стать хорошим оружием. По этой же причине зеркала над раковинами были из полированной стали. Довольно мутные, но со своей целью справляются. Свое отражение в них увидишь, но разбить такое зеркало и проткнуть кого-нибудь осколком нельзя.

Подойдя к раковине, я открыл холодную воду. Отмотал большой кусок бумажного полотенца и намочил его. Прижал к ушибленному лбу. Хаббл стоял рядом. Подержав холодное полотенце у лба, я выбросил его и отмотал новый кусок. У меня по лицу текла вода. Мне было приятно. Ничего серьезного не случилось. На лбу нет мяса, только кость, прикрытая кожей. Поранить практически нечего, а кость не сломаешь. Идеальная дуга, самая прочная форма в природе. Вот почему я предпочитаю ничего не бить руками. Руки очень хрупкие. В них множество мелких костей и сухожилий. Удар такой силы, какая понадобилась бы, чтобы уложить Красного, изуродовал бы заодно и мою руку, и я отправился бы в госпиталь вместе с ним. Особого смысла в этом нет.

Промокнув насухо лицо, я склонился к стальному зеркалу, изучая полученные повреждения. Ничего серьезного. Я расчесал волосы пятерней. Прислонившись к раковине, я почувствовал в кармане солнцезащитные очки. Боевой трофеей. Достав очки, я нацепил их на нос. Посмотрел на свое мутное отражение.

Крутясь перед стальным зеркалом, я увидел за спиной какое-то оживление. Хаббл предостерегающе меня окликнул, и я обернулся. Солнцезащитные очки приглушали яркий свет. В туалетную комнату

вошли пятеро белых парней. Они были похожи на тех, кто разъезжает в кожаных куртках на мотоциклах. Оранжевая форма, естественно; оторванные рукава, но с аксессуарами из черной кожи. Фуражки, ремни, перчатки без пальцев. Длинные бороды. Все пятеро были массивными, широкоплечими, с толстым слоем твердого, вязкого жира, очень похожего на мышцы, но и только. У всех пятерых лица и руки украшены грубой татуировкой. Свастики. На щеках под глазами и на лбу. Арийское братство. Белая тюремная банда.

Как только пятерка появилась в туалете, все остальные поспешили к двери. А тех, кто не понял, схватили за шкуру и выкинули в коридор. В том числе голых намыленных ребят из душевых кабинок. Через считанные секунды просторное помещение опустело. Остались только пятеро рокеров, Хаббл и я. Рокеры рассредоточились веером, обступив нас. Это были здоровенные отвратительные ребята. Свастики были грубо нацарапаны на лицах. И замазаны чернилами.

Я предположил, что они пришли меня вербовать. Узнав каким-то образом, что я завалил Красного. Решили привлечь мою сомнительную репутацию на свою сторону. Превратить меня в кумира белого братства. Но я ошибся. Мое предположение оказалось в корне неверным. Поэтому меня застали врасплох. Средний из пятерых несколько раз перевел взгляд с меня на Хаббла и обратно. Наконец его глаза, моргнув, остановились на мне.

– Отлично, вот он, – сказал рокер, глядя прямо на меня.

Одновременно произошли две вещи. Двое крайних верзил схватили Хаббла и потащили его к двери. А главный ткнул мне в лицо своим огромным кулачищем. Я увидел удар слишком поздно. Уклонился влево, и кулак попал мне в плечо. От удара меня развернуло. Тотчас же меня схватили сзади за горло. Две громадные руки стиснули мою шею. Начали душить. Главный приготовился ударить меня в живот. Если бы удар достиг цели, меня можно было бы считать покойником. Это я знал точно. Поэтому я откинулся назад и лягнул главного в пах. Врезал ему по яйцам так, словно собирался

пробить через весь футбольный стадион. Качественный ботинок-оксфорд попал куда нужно. Твердый рант обрушился главному в промежность тупым топором.

Меня крепко сдавили за плечи. Я напряг шею, чтобы помешать душителю. Он знал свое дело. Я чувствовал, что проигрываю. Поэтому я нащупал его руки и сломал ему мизинцы. Треск выворачиваемых суставов у самых ушей оглушил меня. Затем я сломал ему безымянные пальцы. Опять громкий треск. Как будто кто-то разрывал курицу. Напавший сзади меня отпустил.

В дело вступил третий рокер. Он представлял собой сплошную гору сала, одетую массивными слоями мяса. Как броней. Ударить его некуда. Верзила молотил меня короткими ударами в руку и грудь. Я оказался зажат между двумя раковинами. Гора сала наступала. Ударить его некуда. Только в глаза. Я ткнул большим пальцем ему в правый глаз. Согнув остальные пальцы, засунул их в ухо и нажал что есть силы. Выдавил ногтем большого пальца глазное яблоко вбок. Просунул палец дальше. Глаз почти вывалился из орбиты. Закричав, верзила схватил меня за запястье. Я продолжал давить.

Главный поднялся на колени. Я с размаха ударил его ногой в лицо. Промахнулся. Попал вместо этого ему в шею. Переломил трахею. Главварь повалился на пол. Я протянул второй большой палец к левому глазу горы сала. Промахнулся. Я не ослаблял давления на правый глаз. Это все равно что мять окровавленную вырезку. Верзила рухнул. Я оторвался от стены. Рокер со сломанными пальцами бросился к двери. Тот, у кого вывалился глаз, лежал на полу и громко вопил. Главварь судорожно кашлял, пытаясь дышать через перебитую трахею.

Меня снова схватили сзади. Я попытался вырваться. Один из дружков Красного. Нет, двое. У меня уже начала кружиться голова. Теперь мне точно не выстоять. Но негры просто схватили меня и потащили к двери. В коридоре завывали сирены.

– Убирайся отсюда, живо, – крикнули негры, перекрывая рев сирен. – Это наша работа. Понял? Это сделали мы. Черные. Мы

берем все на себя.

Они швырнули меня в толпу. Я все понял. Негры скажут, что это их рук дело. Не потому, что они хотят снять вину с меня. Они хотят приписать всю заслугу себе. Расовая победа.

Я отыскал взглядом в толпе Хаббла. Увидел охранников. Увидел Спиви. Я схватил Хаббла, и мы побежали в свою камеру. Выли сирены. Через дверь в коридор один за другим вбегали охранники. Я разглядел ружья и дубинки. Застучали кованые сапоги. Раздались крики. Сирены. Мы добежали до камеры. Завалились внутрь. Я задыхался, у меня кружилась голова. Меня здорово избили. Сирены были оглушительными. Я не мог говорить. Плеснул себе в лицо холодной водой. Солнцезащитные очки исчезли. Должно быть, упали.

Я услышал за дверью крик. Обернувшись, я увидел Спиви. Он кричал, приказывая нам выходить. Вбежал в камеру. Я сгреб с койки свое пальто. Спиви схватил Хаббла за локоть. Затем схватил и меня, потащил нас к выходу. Криками заставляя нас бежать. Надрывались сирены. Спиви дотащил нас до двери пожарного выхода, откуда появились охранники. Втолкнул внутрь, и мы побежали вверх по лестнице. Все выше и выше. Легкие у меня горели. На лестнице наверху последнего пролета была нарисована большая цифра шесть. Мы ворвались в эту дверь. Спиви протащил нас мимо ряда камер. Втолкнул в пустую камеру и захлопнул за нами дверь-решетку. Громко щелкнул замок. Спиви убежал. Упав на кровать, я крепко зажмурился.

Когда я снова открыл глаза, Хаббл сидел на койке и смотрел на меня. Мы находились в просторной камере. Наверное, вдвое шире той, где мы были до этого. Две отдельные койки, друг напротив друга. Раковина, унитаз. Одна стена из стальных прутьев. Все светлее и чище. Здесь было очень тихо. Пахло гораздо приятнее. Это был этаж для подследственных. Этаж номер шесть. Тот этаж, где мы должны были находиться с самого начала.

– Черт побери, что там с вами случилось? – спросил Хаббл.

Я пожал плечами. В коридоре появилась тележка с обедом. Ее катил белый старик. Не охранник, а какой-то работник. Он был чем-то похож на стюарда на океанском лайнере. Старик просунул поднос в щель между прутьями. Накрытые тарелки, бумажные стаканчики, термос. Мы поели, сидя на койках. Затем я прошелся по камере. Потряс решетчатую дверь. Она была заперта. На шестом этаже было спокойно и тихо. Просторная чистая камера. Отдельные койки. Зеркало. Полотенца. Здесь я чувствовал себя гораздо лучше.

Сложив пустые тарелки на поднос, Хаббл просунул его под дверь в коридор. Затем лег на свою койку. Засунул руки под голову. Уставился в потолок. Занялся ничегонеделанием. Я последовал его примеру. Но только мои мысли напряженно работали. Потому что арийские братья определенно выбрали меня не случайно. Они очень тщательно осмотрели нас обоих и остановили свой выбор на мне. После чего попытались меня задушить.

Они бы меня убили. Если бы не одно обстоятельство. Тот тип, что схватил меня за горло, совершил ошибку. Он напал на меня сзади, что было в его пользу, и он был достаточно сильный и высокий. Но он не сжал пальцы. Душить лучше всего, обхватив шею сзади большими пальцами, при этом согнув остальные. Давить надо костяшками, а не кончиками. Этот тип оставил пальцы распрямленными. Поэтому я смог их схватить и выломать. Его ошибка спасла мне жизнь. Тут нет никаких сомнений. А как только он был нейтрализован, я остался один против двоих. А к такому соотношению сил мне было не привыкать.

И тем не менее это была явная попытка со мной расправиться. Арийцы пришли, выбрали меня, попытались убить. А Спиви совершенно случайно оказался в коридоре. Это он все подстроил. Он нанял арийцев, чтобы те меня убили. Организовал нападение, а сам ждал рядом, чтобы прибежать и обнаружить меня уже мертвым.

И он задумал это еще вчера вечером, до десяти часов. Это было очевидно. Вот почему он отвел нас не на тот этаж. На третий, а не на шестой. На этаж осужденных, а не на этаж подследственных. Все

знали, что мы должны быть на этаже подследственных. Это четко дали понять те двое охранников, что нас принимали. Это было написано в потрепанной папке. Но в десять часов вечера Спиви отвел нас на третий этаж, где, как он надеялся, меня убьют. Он приказал арийцам напасть на следующий день в полдень. Сам он в это время ждал в коридоре, готовый ворваться в туалет и увидеть мой труп на кафельном полу.

Но весь его замысел расстроился. Меня не убили. Арийское братство потерпело поражение. Банда Красного воспользовалась подвернувшимся случаем. На этаже начались беспорядки. Запахло бунтом. Спиви испугался. Нажал сигнал тревоги и вызвал специальное подразделение. Поспешно забрал нас с третьего этажа и оттащил на шестой. Оставил нас здесь. Согласно бумагам, именно на шестом этаже мы и находились со вчерашнего вечера.

Очень аккуратный отход на запасные позиции. Причем я теперь мог не опасаться любых расследований. Спиви выбрал вариант, гласивший, что нас никогда не было на третьем этаже. Теперь у него на руках двое с тяжелыми телесными повреждениями, возможно, даже один труп. Очень вероятно, что главарь арийцев умер от удушья. Спиви знает, что это моих рук дело. Но он не может сказать ни слова. Потому что, согласно его собственным бумагам, меня не было на третьем этаже.

Я лежал на кровати, уставившись в бетонный потолок. Приходил в себя. План Спиви был мне ясен. Никаких сомнений. И отход на запасные позиции был тоже понятен. План, не доведенный до конца и аккуратно заверченный в аварийном порядке. Но почему? Этого я не понимал. Предположим, душитель согнул бы пальцы. Тогда арийцы справились бы со мной. Я превратился бы в труп. Валялся бы на полу туалета с высунутым изо рта распухшим языком. Ворвавшийся Спиви обнаружил бы меня в таком виде. Но почему? Чем объяснялись поступки Спиви? Что он имел против меня? Я никогда раньше его не видел. Никогда даже рядом не был с его чертовой тюрьмой. Так почему он составил такой тщательный план,

чтобы меня прикончить? На этот счет у меня не было никаких предположений.

Глава 8

Хаббл, лежавший на соседней койке, заснул. Через какое-то время он заворочался и проснулся. Недоуменно оглянулся вокруг, затем вспомнил, где находится. Решил узнать, который сейчас час, но увидел лишь полоску бледной кожи на том месте, где был массивный «ролекс». Почесал переносицу и вспомнил, что потерял свои очки. Вздохнул и уронил голову на полосатую тюремную подушку. На этого человека жалко было смотреть.

Мне были понятны его страхи. Но Хаббл при этом выглядел побежденным. Как будто только что бросил кости и проиграл. Как будто он на что-то рассчитывал, а этого не произошло, и он снова погрузился в отчаяние.

И тут до меня начало доходить, в чем дело.

– Тот убитый, он пытался вам помочь, да? – спросил я.

Мой вопрос перепугал Хаббла.

– Я не могу вам сказать, – пробормотал он.

– Я должен знать, – сказал я. – Быть может, вы обратились к нему за помощью. Говорили с ним. Быть может, именно поэтому его и убили. Быть может, сейчас кому-то покажется, что вы говорили и со мной. И меня тоже решат убить.

Кивнув, Хаббл уселся на кровати и стал раскачиваться взад-вперед. Затем глубоко вздохнул. Посмотрел мне в лицо.

– Это был следователь, – сказал Хаббл. – Я пригласил его сюда, потому что хотел положить всему этому конец. Я больше не хотел иметь с этим никаких дел. Я не преступник. Я напуган до смерти и хочу выйти из игры. Этот человек должен был помочь мне выйти из игры и расправиться с мошенниками. Но он где-то оступился, и теперь он убит, а мне уже никогда не выпутаться. А если они узнают, что это я пригласил его сюда, они и меня убьют. Но даже если меня не убьют, я, скорее всего, отправлюсь в тюрьму на тысячу лет, потому что сейчас все откроется.

– Кто он такой? – спросил я.

– Фамилию он мне не назвал, – сказал Хаббл. – Дал только контактный телефон. Сказал, что так будет безопаснее. Я не могу поверить, что с ним расправились. Мне он показался человеком, знающим свое дело. Сказать по правде, вы мне его чем-то напоминаете. Вы тоже кажетесь мне человеком, знающим свое дело.

– Что он делал на том складе?

Пожав плечами, Хаббл покачал головой:

– Я ничего не понимаю. Я свел его с другим человеком, и они должны были встретиться там, но разве в этом случае этого второго человека не убили бы тоже? Я не понимаю, почему расправились только с одним.

– Кто этот второй, с кем должен был встретиться следователь? – спросил я.

Хаббл только покачал головой:

– Я и так сказал вам слишком много. Наверное, я сошел с ума. Теперь меня обязательно убьют.

– Кто замешан в этом деле? – настаивал я.

– Вы меня не слышите? Я больше не скажу вам ни слова.

– Мне не нужны имена, – пояснил я. – Дело крупное?

– Огромное, – сказал Хаббл. – Громадное. Вы о таком не слышали.

– Сколько в нем замешано человек?

Пожав плечами, он задумался. Мысленно считая.

– Десять, – наконец сказал он. – Не считая меня.

Окинув его взглядом, я пожал плечами.

– Десять человек – это совсем не похоже на крупное дело.

– Ну есть еще те, кого нанимают, – сказал Хаббл. – Приглашают по мере надобности. Я имел в виду, ядро состоит из десяти человек. Десять человек, не считая меня, знают, что к чему. Несмотря на то что народу мало, поверьте, дело очень крупное.

– А как насчет человека, которого вы направили на встречу с детективом? – спросил я. – Он входит в число тех десяти?

Хаббл покачал головой:

– Его я тоже не считал.

– Значит, вы, он и еще десятеро? – уточнил я. – И крупное дело?

Он угрюмо кивнул:

– Вы ни о чем подобном не слышали.

– И сейчас все это должно открыться? – не сдавался я. – Почему?

Потому что этот следователь что-то накопал?

Хаббл снова отрицательно затряс головой. Казалось, мои вопросы причиняли ему физическую боль.

– Нет, – сказал он. – Это тут совершенно ни при чем. Просто сейчас дело стало особенно уязвимым. Риск был огромным с самого начала, и со временем все становилось только хуже. Но сейчас возможны два варианта. Если нам удастся выпутаться, никто и никогда ни о чем не узнает. Но если не удастся, поверьте, это будет самая громкая сенсация. Но как бы ни повернулось дело, сейчас ситуация критическая.

Я смерил его взглядом. Он не показался мне человеком, способным совершить что-то неслыханно сенсационное.

– И как долго продлится критическая ситуация? – спросил я.

– Она уже почти миновала, – сказал Хаббл. – Осталось подождать, быть может, с неделю. Мое предположение – неделя, начиная с завтрашнего дня. До следующего воскресенья. Возможно, я доживу до того, чтобы это увидеть.

– Значит, после следующего воскресенья вам больше ничего не будет угрожать? – спросил я. – Почему? Что произойдет в следующее воскресенье?

Покачав головой, он отвернулся. Как будто если он не мог меня видеть, я исчезал и не мог задавать ему вопросы.

– Что означает «pluribus»? – сказал я.

Хаббл молчал. Тряс головой, зажмурившись от ужаса.

– Это какой-то пароль? – настаивал я.

Он словно меня не слышал. Разговор окончился. Я оставил бесплодные попытки, и наступила полная тишина, что меня полностью устраивало. Я больше не хотел ничего знать. Совсем

ничего. Похоже, тех, кто оказывается посвященным в тайны Хаббла, ничего хорошего не ждет. По крайней мере, высокому незнакомцу с бритой головой определенно пришлось несладко. Я не собирался разделить его судьбу, оказавшись с парой пуль в голове и переломанными костями под старым картоном. Я хотел лишь дотянуть до понедельника, а затем поскорее убраться куда подальше. К следующему воскресенью я рассчитывал быть очень далеко отсюда.

– Ладно, Хаббл, – сказал я, – больше вопросов не будет.

Пожав плечами, он кивнул. Долго молчал. Наконец заговорил, очень тихо, и в его голосе прозвучала покорность:

– Спасибо. Право, так будет лучше.

Я неподвижно лежал на узкой койке, пытаюсь забыться и погрузиться в какое-нибудь чистилище. Но Хаббл беспокойно ворочался, крутился и то и дело тяжело вздыхал. Мне это начинало действовать на нервы. Я повернулся к нему.

– Извините, – сказал Хаббл. – Я никак не могу успокоиться. Очень хорошо, что я излил вам душу. Иначе я бы точно сошел с ума. Мы не могли бы поговорить о чем-нибудь еще? Например, о вас? Расскажите мне о себе. Кто вы такой, Ричер?

Я пожал плечами:

– Я никто. Просто случайный встречный. В понедельник меня и след простынет.

– Каждый человек кем-то является или был кем-то, – возразил он. – У каждого из нас есть своя история. Расскажите мне о своей жизни.

И я начал говорить. Лежа на койке, я прошелся по последним шести месяцам. Хаббл тоже лежал на койке, уставившись в потолок, и слушал. Это отвлекало его от своих забот. Я рассказал о том, как расстался с Пентагоном. Вашингтон, Балтимор, Филадельфия, Нью-Йорк, Бостон, Питсбург, Детройт, Чикаго. Музеи, концерты, дешевые гостиницы, бары, автобусы и поезда. Одиночество. Я путешествовал по своей родине, словно бедный турист. Знакомился с историей, о

которой узнал в пыльных классах на противоположном конце земного шара. Знакомился с главным, с тем, что формировало нацию. Места сражений, заводы, декларации, революции. Знакомился с мелочами. Домами, клубами, дорогами, легендами. Большое и маленькое, что должно означать дом. И кое-что я нашел.

Я рассказал Хабблу о долгом путешествии по бескрайним равнинам, через устья бесчисленных рек от Чикаго до Нового Орлеана. Спуск по побережью залива до самой Тампы. Затем рывок на автобусе «Грейхаунд» на север к Атланте. Безумное решение сойти у развилки на Маргрейв. Длинный путь пешком под дождем вчера утром. Чистая прихоть. Случайное замечание моего брата о том, что он был проездом в этом крошечном городке, где больше шестидесяти лет назад умер Слепой Блейк. Рассказывая Хабблу об этом, я чувствовал себя довольно глупо. Хаббл пытался выпутаться из кошмара, а я рассказывал ему о бесцельном паломничестве. Но он, похоже, меня понял.

– Со мной однажды тоже было нечто похожее, – сказал Хаббл. – На медовый месяц мы с женой отправились в Европу. Задержались в Нью-Йорке, и я целый день искал то здание, рядом с которым был убит Джон Леннон. Затем мы провели три дня в Англии, бродили по Ливерпулю и искали клуб «Каверна», где начинали играть «Битлз». Так и не смогли найти. Наверное, его снесли.

Он говорил некоторое время. В основном рассказывал о своих путешествиях. Со своей женой он успел поехать по свету. Им это очень нравилось. Они изъездили всю Европу, были в Мексике, на островах Карибского моря. Исколесили вдоль и поперек все Штаты и Канаду. Они получали от путешествий огромное удовольствие.

– А вы не чувствуете себя одиноким? – спросил Хаббл. – Вы ведь все время один?

Я ответил, что мне, наоборот, так больше нравится. Я обожаю одиночество, анонимность. Порой мне кажется, что я становлюсь невидимым.

– Что вы хотите сказать, невидимым? – переспросил Хаббл. Мои слова его заинтересовали.

– Я путешествую наземным транспортом, – объяснил я. – Исключительно наземным транспортом. Хожу пешком, езжу на автобусах. Иногда на поездах. Всегда плачу наличными. За мной не остается бумажного следа. Ни авиабилетов, ни перевода денег с кредитной карточки. Мой путь невозможно проследить. Я никому не называю свое имя. Остановившись в гостинице, я плачу наличными и называю вымышленную фамилию.

– Зачем все это? – удивился Хаббл. – Разве за вами кто-нибудь охотится?

– Никто, – успокоил его я. – Просто мне так больше нравится. Я люблю анонимность. У меня такое ощущение, что я побеждаю систему. Но сейчас система уложила меня на обе лопатки.

По его лицу я понял, что он снова погрузился в размышления. Думал он долго. Я видел, как Хаббл сражается с неразрешимыми проблемами и постепенно из него выходит весь воздух. Паника накатывала на него неудержимой приливной волной.

– Ладно, посоветуйте, как мне вести себя с Финли, – наконец сказал Хаббл. – Когда он спросит насчет признания, я могу ответить, что находился в состоянии стресса, вызванного проблемами на работе. Я скажу, что у нас острая конкуренция и раздавались угрозы в адрес моей семьи. Скажу, что понятия не имею, кто такой убитый и как у него оказался мой номер телефона. Буду все отрицать. А потом попытаюсь все уладить. Как вы это находите?

На мой взгляд, план был весьма неубедительный.

– Скажите мне одну вещь, – спросил я. – Не вдаваясь в подробности: вы выполняете для этих людей полезную функцию? Или вы просто что-то вроде стороннего наблюдателя?

Скрестив руки, Хаббл задумался.

– Да, я выполняю полезную функцию, – наконец ответил он. – Можно даже сказать, моя роль решающая.

– А если не вы? – продолжал я. – Могут они найти на ваше место кого-нибудь другого?

– Да, смогли бы, – сказал Хаббл. – Но, учитывая особенности выполняемой мной функции, сделать это достаточно трудно.

Он оценивал свои шансы остаться в живых так, как решал вопрос о кредитоспособности клиента своего банка.

– Ладно, – сказал я. – Ничего лучше вы, скорее всего, все равно не придумаете. Так что попробуйте.

Я не видел, что еще он может сделать. Хаббл был маленьким винтиком в какой-то большой махинации. Но очень важным винтиком. Никто не станет просто так ломать налаженный механизм. Так что на самом деле его будущее было четко определено. Если те, на кого Хаббл работает, узнают, что он пригласил следователя, его однозначно убьют. Но если не узнают, он однозначно может ничего не бояться. Все так просто. И на мой взгляд, у него были весьма неплохие перспективы – из-за одного весьма убедительного обстоятельства.

Хаббл сделал признание, потому что считал тюрьму чем-то вроде безопасного убежища, где до него никто не сможет добраться. По крайней мере, таковы были отчасти его рассуждения. Но это были неверные рассуждения. Хаббл ошибался. В тюрьме он вовсе не обезопасил себя от нападения, а как раз наоборот. Если бы те, на кого он работал, захотели с ним расправиться, они сделали бы это без труда. Однако обратной стороной этой медали было то, что с Хабблом не пытались расправиться. Так случилось, что напали на меня. Не на Хаббла. Так что, на мой взгляд, это можно было считать определенным свидетельством, что ему нечего опасаться. На него никто не будет охотиться, потому что, если его хотели убить, его уже могли убить и давно бы убили. Но этого не произошло. Даже несмотря на то, что сейчас сложилась критическая ситуация, сопряженная с большим риском. Так что это можно было рассматривать как доказательство. Я начинал думать, что с Хабблом все будет в порядке.

– Да, Хаббл, – повторил я, – попробуйте. Это лучшее, что вы можете сделать.

Камера оставалась заперта весь день. На этаже было тихо. Мы лежали на койках, а день медленно тянулся к вечеру. Мы больше не разговаривали. Уже выговорились. Я изнывал от скуки и жалел, что не захватил с собой газету, оставленную в полицейском участке Маргрейва. Можно было бы перечитать ее заново. Прочитать о том, как президент, добиваясь переизбрания на второй срок, сокращает расходы на предупреждение преступлений. Экономит сегодня доллар на береговой охране, чтобы завтра нужно было потратить десять на такие тюрьмы, как эта.

Часов в семь пожилой служитель принес нам ужин. Мы поели. Он вернулся и забрал поднос. Медленно прошел пустой вечер. В десять часов выключили свет, и мы остались в темноте. Ночь. Я не снимал ботинки и спал очень чутко. На тот случай, если у Спиви были в отношении меня еще какие-то планы.

В семь часов утра свет зажегся снова. Воскресенье. Я проснулся, чувствуя себя усталым, однако сделал над собой усилие и встал. Заставил себя немного размяться, чтобы унять боль в ноющих суставах. Хаббл проснулся, но лежал молча, краем глаза наблюдая за тем, как я делаю упражнения. Около восьми принесли завтрак. Тот же самый старик прикатил тележку. Я поел и выпил кофе. Когда я допивал то, что было в термосе, щелкнул дверной замок, и дверь приоткрылась. Распахнув ее, я шагнул в коридор и едва не столкнулся с охранником, собиравшимся войти к нам в камеру.

– Сегодня ваш счастливый день, – сказал охранник. – Вас освободили.

– Меня? – переспросил я.

– Обоих, – ответил он. – Ричер и Хаббл освобождены по распоряжению Управления полиции Маргрейва. Будьте готовы к выходу через пять минут, хорошо?

Я вернулся назад в камеру. Хаббл приподнялся на локтях. Он даже не притронулся к завтраку. Он выглядел встревоженным, как

никогда.

– Я боюсь, – сказал Хаббл.

– С вами будет все в порядке, – заверил его я.

– Вы так думаете? Как только я выйду из тюрьмы, они со мной расправятся.

Я покачал головой:

– Сделать это было гораздо проще, пока вы находились здесь. Поверьте, если бы эти люди желали вашей смерти, вы бы уже давно были трупом. А сейчас вы чисты, Хаббл.

Кивнув, он уселся на кровати. Я взял свое пальто, мы вышли из камеры и стали ждать у двери. Через пять минут вернулся охранник. Он провел нас по коридору через двойные запирающиеся двери. Пригласил войти в лифт. Зашел сам и с помощью ключа привел лифт в движение. Как только двери начали закрываться, охранник вышел из кабины.

– Прощайте, – сказал он. – И больше не возвращайтесь.

Лифт спустил нас на первый этаж, а затем мы вышли на душный бетонный двор. За нами закрылась и заперлась дверь тюрьмы. Я повернулся лицом к солнцу и вдохнул свежий воздух. Наверное, я был похож на героя какого-нибудь старого фильма, которого выпускают на свободу после целого года, проведенного в одиночной камере.

Во дворе стояли две машины. Одной из них был большой темный седан, английский «бентли» двадцатилетней давности, но внешне новый, как с иголочки. За рулем сидела светловолосая женщина, по-видимому жена Хаббла, потому что он бросился к ней, как будто она была самым милым зрелищем, какое ему только довелось видеть. В другой машине сидела офицер Роско.

Выйдя из машины, молодая женщина направилась мне навстречу. Она выглядела просто прекрасно. Без формы. Одета в джинсы и тонкую хлопчатобумажную рубашку. В кожаной куртке. Спокойное, умное лицо. Мягкие темные волосы. Огромные глаза. В пятницу она показалась мне красивой. Теперь я видел, что не ошибся.

– Привет, Роско, – сказал я.

– Привет, Ричер, – сказала она и улыбнулась.

У нее был чудесный голос. И удивительная улыбка. Я смотрел на нее до тех пор, пока она не погасла, то есть очень долго. Чета Хаббл, помахав нам, уехала. Я помахал в ответ, гадая, как сложится их судьба. Вероятно, я никогда об этом не узнаю, если только с ними не произойдет серьезное несчастье и я не прочту о них в газете.

Мы с Роско сели в ее машину. На самом деле не в ее собственную, объяснила она, просто в полицейскую машину без специальных знаков. Новенький «шевроле», большой, бесшумный, спокойный. Роско не глушила двигатель, и в салоне было прохладно. Мы развернулись на бетонном дворе и проехали через шлюзы клеток с воротами. Как только мы выехали из последних ворот, Роско выкрутила руль, и мы повернули на шоссе. Передняя часть машины приподнялась, а зад осел на мягкой подвеске. Я не оглядывался назад. Мне было просто очень хорошо. Выходить из тюрьмы – одно из самых больших удовольствий, которые может подарить жизнь. Другое удовольствие – полное неведение относительно того, что готовит день грядущий. А еще очень приятно нестись по залитому солнцем шоссе с красивой женщиной за рулем.

– Так что же произошло? – спросил я, когда мы проехали около мили. – Поведай мне.

Рассказ Роско получился весьма бесхитростным. В пятницу вечером они начали проверять мое алиби. Она и Финли, оставшись вдвоем в темном участке. Две включенные настольные лампы. Стопка бумаги. Стаканчики с кофе. Телефонные справочники. Они зажимали между ухом и плечом телефонные трубки и грызли карандаши. Разговаривали вполголоса. Терпеливо задавали вопросы. Мне самому приходилось тысячу раз проходить через такое.

Они позвонили в Тампу и Атланту и к полуночи разыскали одного из пассажиров с того автобуса, на котором я ехал, и кассира из билетной кассы на автовокзале Тампы. Оба вспомнили меня. Затем

они разыскали также водителя автобуса. Он подтвердил, что остановился на автостраде у развилки на Маргрейв и высадил меня в пятницу в восемь часов утра. К полуночи мое алиби стало твердым как скала, как я и обещал.

В субботу утром по факсу пришло длинное сообщение из Пентагона с моим послужным списком. Тринадцать лет моей жизни, низведенные до скручивающихся листов. Теперь это была уже чья-то чужая жизнь, однако она подтвердила мой рассказ. На Финли она произвела впечатление. Затем из базы данных ФБР пришел ответ на запрос относительно моих отпечатков. Работавший без усталости компьютер идентифицировал их в половине третьего утра. Армия Соединенных Штатов, отпечатки сняты тринадцать лет назад при поступлении на службу. Мое алиби было железным, мое прошлое не вызывало сомнений.

– Финли был удовлетворен, – сказала Роско. – Ты оказался именно тем, кем назвался, и в четверг в полночь ты находился за добрых четыреста миль отсюда. Это было установлено совершенно точно. Финли перезвонил медицинскому эксперту и спросил, не изменились ли данные относительно времени смерти, но нет, по-прежнему это была полночь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

ЛИ ЧАЙЛД

ДЖЕК РИЧЕР:

ПОЛЕ СМЕРТИ

Напряженный
и заставляющий
думать роман.

*Publishers
Weekly*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

Примечания

1

«Удар молнии в дымовую трубу» (англ.).

[Вернуться](#)

2

«Дальше по дороге» (англ.).

[Вернуться](#)

3

Отсылка к фильму режиссера Элиа Казана «Трамвай „Желание“» (1951) по пьесе Теннесси Уильямса.

[Вернуться](#)